

Humani affectus versus ratio non humana

СРЕДА ОМЕГА-ДЕНЬ

АЛЕКСЕЙ КУДРИН

Алексей Кудрин
Среда: Омега-день

«Издательские решения»

Кудрин А.

Среда: Омега-день / А. Кудрин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900209-9

Каждый день жители Алакосо задают друг другу одни и те же вопросы: куда исчезла Большая земля? придет ли конец их заточению на острове? какая сила загоняет их в ситуации, достойные самых жутких сновидений? Но никто из островитян даже не догадывается, что происходит с ними и Алакосо на самом деле.

ISBN 978-5-44-900209-9

© Кудрин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
1	7
2	9
3	10
4	12
5	15
6	17
7	19
8	20
9	21
10	22
11	24
Глава 2	26
12	26
13	28
14	30
15	32
16	34
17	37
18	39
Глава 3	40
19	40
20	45
21	47
22	49
23	51
24	53
25	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Среда: Омега-день

Алексей Кудрин

© Алексей Кудрин, 2024

ISBN 978-5-4490-0209-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

12 суток с Омега-дня

Позолоченные закатом волны лениво накатывались на песчаный пляж. Из мокрого песка лицами к берегу торчали три головы. Крайним справа был чернокожий мужчина в зеркальных солнцезащитных очках. Волны уже дотягивались до его затылка, и каждый раз, когда это происходило, мужчина громко охал.

– Черт! – вскрикнул он, когда очередная волна омыла его подбородок. – Я всего лишь поддержал Каси!

– Не унижайся, Сау, – призвала голова, торчавшая тремя метрами левее.

Голова была раза в полтора крупнее первой, ее украшала белая бейсболка с надписью «Lucky», а обладатель головы так же принадлежал к черной расе.

Между носителем солнцезащитных очков и хозяином бейсболки был врыт белый длинноволосый бородач, который флегматично взирал в сторону берега, время от времени негромко покашливая.

Дальше всех от воды располагался Lucky, ближе всех – Сау: новая волна бесцеремонно сорвала с него солнцезащитные очки.

– Черт! Комендант... что ты еще хочешь... от меня услышать? – выкашливая воду, прокричал Сау.

– Он уже услышал все, что хотел, – ответила ему голова в кепке. – Услышал твой скулеж. И будет наслаждаться им еще пару минут, пока прилив тебя не утопит.

– Ты это серьезно, Каси? – искренне удивился Сау. – Каси!

– Серьезней некуда!

– Комендант! – взмолился Сау. – Я... приношу самые... глубокие... Я трижды проглочу эту штуку. Я знаю...

Новая волна накрыла Сау и прокатилась заметно дальше предыдущей – мужчина не выныривал добрых десять секунд. На том месте, где только что была его голова, среди морской пены показались пузыри.

Наконец, вода временно отступила, позволив Сау откашляться и с громким хрипом отдышаться.

– У меня просьба, – мрачно проговорил Каси, глядя перед собой. – Последняя. Когда будешь подыхать, вспомни нас троих: меня, Сау и Отшельника. Хорошо?

– Извинюсь! Служить тебе буду! – успел проорать Сау, прежде чем его опять накрыло.

Вода снова погнала к берегу пузыри, появившиеся на месте его головы. На этот раз волна добралась до бородача, покрыв пеной его длинные волосы и испачканную в песке бороду. Белый мужчина воспринял это с полнейшим безразличием. Кашлянув пару раз, он покосился на краба, который шагал мимо, задрав клешни.

Волна немного откатилась, но океан больше не ушел с того места, где был Сау. Пузыри исчезли.

– Если одного тебе мало, я за Отшельника, – произнес женский голос. – Нам нужны смекалистые.

– Мурена дело говорит! – подхватил Каси. – Зачем тянуть кота за хвост? Вытаскивай бородатого, а меня – в расход. Позволь только напоследок плюнуть в твою широкую физиологию!

– Помолчи, Каси, – сказал женский голос. – Не мешай коменданту думать.

Бородач впервые полностью исчез под водой. Когда волна открыла его, мокрая шевелюра прилипла к лицу мужчины, оставив лишь узкий просвет, из которого торчал прямой интеллигентный нос.

– Времени мало. Надо что-то решать, – напомнил женский голос.

– Я все решил, – заявил Каси. – Сами глотайте эту палку. Жизнь не настолько хороша, чтобы за нее держаться. Да, Отшельник?

Волна снова поглотила бородача.

– Я так понял, двое уже готовы, – заключил Каси, не дождавшись ответа. – Значит, и мне осталось недолго терпеть ваши гнусные морды. Вообще, лучше бы вы зарыли меня лицом от берега. Полюбовался бы на неведомую чертовщину напоследок.

Как раз в этот момент на небе стала заметна бледно-зеленая полоса, поднимавшаяся перпендикулярно горизонту.

– Видишь, он двинутый, – сказал женский голос. – От него никакой пользы. Сохрани Отшельника. Интуиция меня не подводит.

На волосах бородача, который показался из воды, повисли бурые водоросли. Он шумно дышал, выплевывая воду.

– О! Кажется, Отшельник еще с нами! – воскликнул Каси. – Не тяни время, комендант! Он, как говорит Мурена, действительно будет вам полезен. А вот я – при первой возможности всажу нож тебе в горло. Жаль, что я не сделал этого раньше.

Бородач снова ушел под воду.

– Ты не в том положении, чтобы угрожать, Каси, – напомнил женский голос. – А ты, комендант, подумай: если он даже сейчас так себя ведет, что будет, если ты его отпустишь?

– Правильно! – крикнул Каси. – Даже не думай меня освобождать! Я знаю, я тебе нравлюсь, потому что мы немного похожи. Как братья. Но если мы – братья, то я – будущий бра-тоубийца.

Бурление над головой бородача затихало.

– Ну что ты делаешь! – раздосадованно проговорил женский голос. – Ты опять меня не слушаешь! Ты никогда меня не слушаешь!

– Верно, надо слушать женщину! – сказал Каси. – Женская интуиция не ошибается. Я-то уж точно тебе не нужен, тупое ты животное. Посмотри мне в глаза! Ты поймешь, где...

Внезапный грохот заглушил шум прибора, вспышка затмила закат, а голова Каси взорвалась, как помидор под лошадиным копытом. На мокрый песок посыпались кровавые ошметки, вокруг которых начали расплываться темные кляксы, а на волнах закачались клочья кепки.

– Да что ты делаешь! – вскричал женский голос. – Фу!

– Уговорила, – ответил ей хладнокровный баритон. – Достаньте Отшельника.

К месту, где минуту назад скрылась голова бородача, побежали чернокожие парни с лопатами и энергично принялись за дело.

Глава 1

Омега-день

1

Омега-день

Все началось с едва ощутимого подземного толчка. Впрочем, тогда я сомневался, что почувствовал именно толчок – это напоминало легкое головокружение. Целую минуту я не отрывал глаз от стакана с водой, пытаюсь уловить колебания жидкости, и мне показалось, что я их все-таки заметил.

– Александр, куда ты все время смо-о-о-тришь? – спросил меня Брот с экрана ноутбука. – Если нужно, я пришлю тебе еще парочку своих статей по высшей лог-и-и-стике.

Брот растягивал слова, как трехлетний ребенок. Я рассмеялся:

– Мне бы для начала с твоим аналитическим ситуативизмом разобраться. Так что, если не трудно, пришли мне текст той популярной лекции, которую ты читал в МГУ.

– Хорошо, Алекса-а-андр, – кивнул Брот. – Тогда прямо за...

Голос Брота сменился цифровым бульканьем, а затем смолк.

Пухлая физиономия друга застыла на экране и вскоре сменилась черным прямоугольником, в середине которого, словно символ безнадежности, переливалась «крутилка» ожидания.

Запустив браузер, я увидел предсказуемое уведомление «страница недоступна». Многократные нажатия «CTRL + F5» также ничего не дали. Тихо произнеся непечатное слово, оглянулся на стоящий в углу телевизор, из которого еще пять минут назад пела Леди Гага. Теперь экраном безраздельно владел его величество белый шум.

Повернувшись к ноутбуку, я снова попытался перезагрузиться – результат оставался прежним. В правом нижнем углу экрана символ сети перечеркнули две красные линии.

Выключив ноутбук, я еще долго смотрел в потемневший экран, усеянный пылинками. Пожалуй, жидкокристаллические матрицы были единственными зеркалами, в которых мне нравилось свое отражение. Возможно, причина этого состояла в особой контрастности или ослабленной цветовой насыщенности. Так или иначе, черты собственного лица, отраженные в экране, казались мне более правильными, и я понимал тех немногих женщин, которые называли мое лицо красивым. При должном освещении я со своим прямым носом, глубоко посаженными глазами, чуть впалыми щеками, широким ртом и в меру густыми горизонтальными бровями, выглядел вполне удовлетворительно. Нельзя сказать также, чтобы меня портила волнистая шевелюра (с минимумом седины), которая вскоре должна была достать до плеч – поселившись на Алакосе, я отпустил волосы, а с ними – бороду, усы и живот.

Что бы, глядя на меня, сказали физиогномисты? Поняли бы они, как я попал на остров и насколько это было закономерно? Прочитали бы они по чертам этого лица мою биографию, печальный опыт работы в крупных компаниях по производству ПО, где меня потом долго вспоминали, как неуживчивого, сварливого интроверта? По силам ли аналитикам было понять, что маленький остров с возможностью удаленной работы стал для меня убежищем, где я мог спрятаться от бестолкового и колючего мира?

Я взял со стола телефон, чтобы позвонить в администрацию и выяснить, что случилось со связью. «Палочки», обычно показывающие в углу дисплея уровень сигнала, отсутствовали. В сердцах я швырнул телефон обратно на стол.

Инстинктивно я поглядел в окно, за которым до горизонта простирался спокойный в тот день Индийский океан. Солнце и спящая под ним великая вода – в этой картине ничего не менялось миллионы лет, и казалось, не могло измениться. Однако в глубине души я понимал, что перемены уже наступили.

2

Покинув свой номер, я пошел к лестнице. Почти сразу я услышал какой-то грохот, а в следующий момент ближайшая ко мне дверь распахнулась, и в коридор с громким визгом выбежала горничная Тамби. Волосы ее растрепались. Съехавший чепчик девушка на бегу придерживала рукой.

Притормозив у открывшейся двери, я пронаблюдал, как Тамби достигла лестницы и побежала по ступеням вниз. Чуть позже я понял, что это минута промедления избавила меня от больших неприятностей – вслед за Тамби из номера вылетел какой-то темный предмет и, ударившись о стену коридора, со звоном разлетелся на тысячу осколков и брызг. К счастью, ни один из кусочков стекла в меня не попал. Осколки блестели в ворсе ковровой дорожки. В воздухе пахло шампанским.

– А ну, вернись, тупая каракатица! – проорал из открытой двери сиплый пьяный голос. Я расплющу твою башку... диваном!

Моим соседом по этажу был Робин Фриз – музыкант по роду деятельности и террорист по душевной конституции. Как и я, Фриз прятался на Алакосо от большого мира. Однако в своем эскапизме он зашел еще дальше, во всю налегая на алкоголь и гонясь за островитянками.

– Тамби!!! – донеслось из номера.

Не дожидаясь, пока буян выйдет в коридор, я стряхнул с руки капли шампанского и поспешил к лестнице.

3

Непонятно откуда возникшая клаустрофобия усилила мое желание поскорее выйти на свежий воздух. На противоположной стороне мрачного холла, заставленного дорогой деревянной мебелью, светился дверной проем, через который виднелась серо-голубая равнина океана.

Я уже прошел половину холла, когда чей-то невысокий силуэт подскочил ко мне со стороны подсобного помещения. Это была маленькая писклявая Ила Пирсон, супруга хозяина отеля.

– Мистер Нобби! Она либо на взлетно-посадочной полосе, либо на пляже! – схватила меня за руку Ила. Можете сказать ей, что я в гневе.

– Здравствуйте, миссис Пирсон, – отступил я на шаг. – Вы о ком?

– Да все в порядке! Просто в полдень или, скажем, в половине четвертого я волновалась бы гораздо меньше.

– Волновались бы? О чем?

– Боже мой, мистер Нобби! – закатила глаза Ила. – Все умники такие непонятливые или вы один?

– Я один. Потому и сослал себя на Алакосо.

Ила удрученно вздохнула, словно я действительно был тупицей. Я постарался не сердиться на женщину – одной из моих целей на тот момент было стать более толерантным к людям и некоторым их особенностям. Я учился во всех находить хорошее. Ила, например, была великолепным садоводом. Ее усилиями рядом с отелем появился сад, кормивший островитян первоклассными овощами и фруктами. Мне, как любителю сладкого, особенно пришлось по вкусу местные дыни.

Благодаря экскурсиям по Алакосо, которые Ила для меня проводила, я узнал породы некоторых деревьев и кустарников – по крайней мере, слоанею от гуавы я научился отличать безошибочно.

– Миссис Пирсон, вы не знаете, неполадки со связью у нас надолго? – спросил я.

– Неполадки со связью... – рассеянно повторила Ила. – Ну да... Телевизор, кажется, так и не работает. Но почему вы меня сбиваете?! Мистер Нобби, вы поможете мне или нет?

– С радостью. Если, конечно, вы скажете, что от меня требуется.

Ила дунула себе в рыжую челку и устало, будто в сотый раз, проговорила:

– Найдите Хелен.

– Хелен? Она пропала?

– Дошло, наконец! – просияла женщина.

В ту минуту я забеспокоился всерьез. Моя интуиция, или, как ее называл Брот, ментальное обоняние, после обрыва связи предсказывала что-то нехорошее, и новость об исчезновении Хелен я воспринял куда менее легкомысленно, чем ее мать.

– Мы договорились встретиться в саду в полдень, но Хелен упоролась из отеля еще до девяти. Тамби... ну, горничная... ее видела, – поделилась подробностями Ила. – Судя по всему, Хелен ушла лазить по деревьям с этим своим мелким косоглазым аборигеном.

При последних словах маленькое бледное лицо Илы приобрело брезгливое выражение.

– О каком это мелком косоглазом аборигене вы говорите, миссис Пирсон? – донеслось откуда-то сверху.

По резной лестнице со второго яруса холла спускалась Мамфо – управляющая отелем. Средний и единственный палец ее темной руки скользил вниз по лакированному дереву перил.

– О-о-о! – иронично протянула Ила. – А вы, как обычно, занимаетесь любимым делом – подслушиваете?

– Нет-нет, миссис Пирсон, – ответила Мамфо. – Мне просто показалось, что из холла доносится крысиный писк, и я решила посмотреть, что тут происходит.

По мере того, как Мамфо спускалась на первый этаж, по ее телу снизу вверх бежали солнечные зайчики, словно сканируя стройную фигуру управляющей. Световые пятнышки обшарили узкую майку, висящий над высокой грудью бронзовый кулон, чуть грубоватое, но чувственное лицо, и выше – гигантское облако афро-прически.

– Так что это за мелкий косоглазый абориген, с которым убежала ваша дочь? – повторила вопрос Мамфо.

– Учитывая, что Оливье отправил почти всех рыбацких детей на материк получать образование, вариантов не так уж много, – пробормотала Ила.

Мамфо остановилась у лестницы, взявшись за резное навершие.

– Вот как? – вскинула она бровь. – Как мать мелкого косоглазого аборигена и администратор этого отеля, я попросила бы вас выходить в холл причесанной. Ваша милая утренняя растрепанность может распугать туристов.

Я посмотрел на часы и осторожно двинулся к дверям.

– Странный у вас видок для администратора! – заметила Ила, смерив управляющую презрительным взглядом. – Наверное, вам стоит носить соответствующий бейдж, иначе вас могут принять за работницу сферы специфических услуг.

Образ управляющей действительно не соответствовал стереотипу: майка и джинсовые шорты, открывающие длинные ноги, одну из которых выше колена обвивала татуировка в виде мурены. Не будь у Мамфо карт-бланш от хозяина отеля, думаю, она внимательнее бы относилась к дресс-коду. Как этой женщине удалось обрести на острове большее влияние, чем имелось у жены хозяина, я не знал – это являлось одной из загадок Алакоса, разгадывать которую мне было совершенно не интересно.

Пользуясь тем, что Ила втянулась в перебранку, я поторопился покинуть здание.

4

Я вышел из отеля. День был ясный, но в небе висела какая-то дымка, похожая на те, что окутывают города во время лесных пожаров. Однако пелена над Алакосо была не сизой, а чуть зеленоватой.

Не успел я отойти от дверей и на десять шагов, как путь мне преградил гольф-кар, которым управлял хозяин отеля Оливье Пирсон. Рубашка с коротким рукавом, брюки, шляпа, усы, борода этого человека – все было белым, отчего он сильно смахивал на полковника Сандерса. К тому же Оливье не расставался с антикварной тростью, справедливо полагая, что она придает ему аристократизма. В тот день палка лежала на свободном сиденье гольф-кара.

Пирсон искренне улыбнулся мне, заменив этим формальное приветствие. Я кивнул ему, попытавшись выдавить из себя ответную улыбку. Продолжая источать благодушие, Оливье вытянул мне навстречу руку, нацелив на меня сверкавший серебром револьвер.

– Бум! – сказал Пирсон и засмеялся.

Не дождавшись моего испуга, он опустил ствол:

– Идите сюда, Нобби. Смотрите, какая у меня игрушка!

Оливье покрутил револьвером.

– Мистер Пирсон, ваша жена, – сказал я, показав большим пальцем себе за спину, – она просила меня найти Хелен и Джошуа. Вы не видели их?

Я старался говорить громче – мало кто на острове не знал, что у Пирсона имелись проблемы со слухом, хоть Оливье старательно это и скрывал.

– Нет, – равнодушно ответил Пирсон. – Садитесь, давайте. Покатаемся, а заодно и детей поищем. Остров маленький – найдем.

Я обошел гольф-кар и уселся рядом с Оливье, который тут же всучил мне свой револьвер. Я едва не выронил оружие, когда Пирсон резко надавил на педаль и автомобильчик рванулся с места.

– Smith & Wesson? – заметил я.

– Что? – не расслышал Оливье. – А! Он самый!

Оливье отхлебнул из бутылки кока-колы, которая неизвестно как попала ему в руки. Я продолжал рассматривать револьвер: грубоватый, даже слегка топорный дизайн, тридцать восьмой калибр, светлый корпус с резиновыми накладками на рукоятке. Чуть позади барабана – гравировка в виде букв «O.P.».

Оливье свернул на дорожку, ведущую от отеля к пирсу.

– Ну как, понравился? – поинтересовался Оливье, заметив, что я положил револьвер в лоток под лобовым стеклом. – Подарили на днях. Постреляем вечерком?

– Я бы с удовольствием, но что-то голова побаливает.

– Да вы прямо как моя жена! – захохотал Пирсон. – Да не смотрите так! Я шучу! Может, тогда балет? У меня новый диск с «Щелкунчиком»! Ваша, русская классика. Приходите в подвал. Экран – два метра! Звук – хай-энд!

– Обещаю подумать.

Пирсон практически с самого нашего знакомства норовил затащить меня на одно из своих семейных мероприятий. Думаю, как и многие состоятельные люди, Оливье тяготился комплексом счастливого человека и пытался доказать себе, что разбогател не благодаря удачному стечению обстоятельств, а в силу выдающихся умственных способностей. Чтобы убедить самого себя в их наличии, Пирсон стремился к общению с теми, кого считал интеллектуалами. К несчастью, на Алакосо меня (разумеется, незаслуженно) причислили именно к этой категории.

На месте Оливье я бы не терзался подобными сомнениями. Не все согласились бы с тем, что Пирсон обладает гениальным умом, но в напористости и воле к победе отказать ему было нельзя. Если бы не коварные партнеры, которые в свое время вышибли Оливье из бизнеса, думаю, он владел бы теперь не только Алакосо, но и доброй частью соседнего материка.

Впрочем, и сам остров служил наглядным доказательством незаурядных качеств Пирсона. Благодаря Оливье рыбаки переселились из соломенных хижин в небольшие, но аккуратные щитовые домики, а их дети отправились на материк получать образование. Еще более значительным достижением Пирсона стала передовая солнечная электростанция, плавающая в километре от Алакосо и полностью покрывающая энергетические нужды острова.

Если уж я ступил на зыбкую почву психоанализа, замечу также, что комплекс счастливого мальчика дополнялся у Пирсона навязчивым желанием не отрываться от корней и всегда оставаться «простым парнем». Это толкало его на поистине экстравагантные поступки – чего стоила одна доставка на остров грузовика, на котором отец Оливье работал шофером-дальнобойщиком.

– Так что там Ила говорила про Хелен? – спросил Оливье, ускоряя гольф-кар.

– В полдень они, кажется, собирались поработать в саду. Но Хелен, судя по всему, покинула отель гораздо раньше. Дело идет к вечеру, а девочка так и не дала о себе знать.

– Ила сама должна была отправиться на поиски. Зачем она на вас-то это повесила?

– Я в любом случае собирался на прогулку.

– Ох уж эта Ила! – покачал головой Пирсон. – Никогда не понимал ее поступков. Но спрашивать ее о чем-либо давно перестал – для мужчин язык – средство передачи информации, а для женщин – средство выражения эмоций.

Пирсон внезапно хлопнул меня по плечу:

– Да не переживайте! С Хелен все в порядке! Будь иначе, я бы почувствовал – у меня с ней особый канал связи. Шестое чувство. А все потому, что я сам принимал у Илы роды и стал первым, кто поглядел в лицо Хелен.

Гольф-кар остановился у входа на пирс. Вдалеке под навесом виднелась группа аборигенов в ярких национальных одеяниях. Облокотившись на перила, они поддерживали оживленную беседу и периодически смеялись. Внезапно кто-то из островитян заметил наше появление, и все они как один встали во весь рост, точно испуганные сурикаты. Через мгновение аборигены пустились в энергичный пляс, сопровождая его громким пением. Раламбу (староста рыбаков и муж Мамфо), которого даже издалека легко было опознать по синим шароварам, стал ходить вокруг ансамбля колесом и выполнять затейливые акробатические трюки. Его тренированное тело упруго подпрыгивало над причалом, словно каучуковое.

Оливье бодро, хоть и немного прихрамывая, шел к островитянам, постукивая тростью по деревянному покрытию. Если бы гнев Пирсона был видимым излучением, думаю, на причале в тот момент сияло бы второе солнце.

Когда мы подошли к артистам, я смог получше их рассмотреть – в номере участвовали трое мужчин (не считая Раламбу) и пара девушек. Костюмы аборигенов напоминали обмотанные вокруг тел цыганские платки. На лицах у поющих девушек были нарисованы белые ромашки. В руках певицы держали что-то похожее на кастаньеты, которыми щелкали в такт пению. Мужчины аккомпанировали на местных музыкальных инструментах – гитарах и продольных флейтах. Сама же песня чернокожих артистов напоминала одновременно зулусские напевы и латиноамериканский фольклор. Сколько я не старался, так и не смог уловить мотива песни – последовательность нот казалась абсолютно случайной.

Засмотревшись на Раламбу, выделывавшего прямые и обратные сальто, я совсем отвлекся от Оливье, поэтому, когда в шаге от меня грянул выстрел, от неожиданности я чуть не уселся на причал. В поднятой к небу руке Пирсона дымился новенький револьвер. Пение и музыка разом оборвались – участники ансамбля остолбенело глазели на Пирсона.

– Друзья! – обратился к ним Оливье после паузы. – Мои добрые друзья-алакосцы! Думаю, вам известно, что у нас сейчас продолжается мертвый сезон, в связи с чем уже которую неделю в отеле нет новых постояльцев. В эти месяцы каждый турист на вес золота! К счастью, нам страшно повезло, господа. Сегодня у нас будет много гостей, ведь скоро сюда подплывет свадебная яхта с новобрачными и кучей приглашенных! И вы, друзья, просто обязаны исполнить свой номер так, чтобы наши гребанные гости захотели, нахрен, утопиться от счастья! Когда яхта приплывет, я буду стоять здесь и во все импланты улыбаться жениху и невесте, а заодно смотреть, как справляется со своей ролью каждый участник ансамбля. И если кто-то из вас, упаси боже, совершит хоть одну ошибку в танце или возьмет фальшивую ноту, я просто дождусь, пока процессия покинет причал, а потом всажу пулю в лоб этому гаду! Договорились? На вашем месте я бы использовал каждую свободную минуту для репетиций, а не для чесания языками. Который, кстати, час?

– Скоро шесть, – ответил я, взглянув на наручные часы.

– Шесть?! – смутился Оливье. – Они что, опаздывают?

– Да, сэр! – подтвердил Раламбу. – Уже почти на час!

Акробат стоял перед Оливье, пристыженно сутулясь. Глаз его задергался, и парень приложил к нему руку, чтобы остановить тик.

Пирсон нахмурился:

– Остальные-то яхты без опозданий прибыли?

– Нет, сэр, – ответил Раламбу.

– Нет? Тоже с задержками?

– Яхт не было, сэр. Ни одной.

5

Гольф-кар под монотонное жужжание двигателя мчал нас через рощу в направлении поселка.

– Если она так переживает из-за Хелен, почему же не отправилась на поиски вместе с вами? – спросил меня Оливье.

– Наверное, об этом вам лучше спросить у нее. Может, неотложные дела были.

Манера Пирсона задавать одни и те же вопросы раздражала меня.

Оливье отмахнулся:

– Чушь... Просто она – рассеянная курица без логики в словах и поступках. Хотя... Нобби, вы замечали, что женщины крайне редко становятся жертвами собственной пресловутой нелогичности?

Я пожал плечами.

Гольф-кар преодолел пригорок и выкатился на главную улицу поселка. Рыбаки в засаленных футболках и потертых джинсах с любопытством наблюдали, как мы с Оливье покидаем гольф-кар и идем к ним. В сравнении с лощеными физиономиями туристов лица тружеников моря казались грубоватыми. Щитовые домики, в которых жили рыбаки, были аккуратными, но, производили впечатление маленьких и не вполне основательных.

– Бедность – она, как постоянный насморк, – проговорил Пирсон, угадав, о чем я думаю, – а деньги – капли в нос.

– Капли не всегда найдутся в кармане, – заметил я.

Недовольно поджав губы, Оливье развел руками:

– В начале было...

– Слово? – подсказал я.

– Желание! – помотал головой Пирсон.

Наше с Оливье внимание привлек какой-то гвалт впереди. Потасовка собирала вокруг себя все больше зевак из числа островитян. Пробившись через толпу, мы увидели Робина Фриза и Тамби, которая изо всех сил от него отбивалась. Горничная отеля, до сих пор одетая в форму и передник, отчаянно кричала и звала соплеменников на помощь, при этом норовя исцарапать лицо Фриза. Хулиган тянул девушку к себе – надетая на голое тело кожаная жилетка открывала его взбухшие бицепсы, расписанные крестами, кинжалами и огненными змеями. Обхватив Тамби за талию, Фриз проорал ей в лицо что-то нечленораздельное.

Из толпы доносились свист и хохот.

– А ну, убери от нее руки! – прозвучал низкий женский голос.

Расталкивая перед собой рыбаков, к Фризу и Тамби спешила Венди – толстая аборигенка, заведовавшая рыбацкой кухней. На Венди был какой-то длинный белый балахон, а голову ее защищал от солнца тряпичный убор, напоминавший чалму. Словно танк, Венди разметала толпу и на полном ходу врезалась в Робина, отбросив его от Тамби на добрых пять метров. Зеваки захохотали над Фризом, глядя как он повалился лицом в пыль. Пользуясь возможностью, Тамби скрылась.

– Туча! – яростно воскликнул Фриз, потрясая кулаком. – Да я из тебя все сало выпущу!

Хулиган ткнул в сторону Венди пальцем, увенчанным крупным перстнем, а затем стал неуклюже подниматься на ноги. С трудом обретая равновесие, Фриз взялся за крест, висевший у него на груди, и сдул с него пыль.

Венди громко смеялась над возмутителем спокойствия. Завидев нас, она приветливо закивала. Фриз тоже заметил наше присутствие:

– О! Это вы там, мистер Пирсон? – шурился он. – Вы знаете, эти аборигены совсем от рук отбились! Сделайте что-нибудь!

С этими словами Фриз снова повалился на песок.

– Возможно, вы потеряете ценного постояльца, месье Пирсон, но в следующий раз я проломлю ему голову сковородой, – пообещала, подойдя к нам, Венди.

Оливье пошевелил белыми усами:

– Я вам даже помогу спрятать тело.

Венди от души рассмеялась:

– Как дела, месье Пирсон?

– Ты не видела Хелен? – спросил Оливье.

Лицо Венди стало тревожным.

– Видела, месье Пирсон, – понизив голос, ответила кухарка и стала поправлять чалму. – Я их много раз предупреждала, чтобы они не подходили к нему. Но они не послушали меня. Я видела их с Колдуном.

6

В поисках Симо мы с Пирсоном прошли через весь поселок. На окраине поселения Оливье остановил толстого рыбака:

– Эй, милейший, как там тебя? Поди-ка сюда.

Толстяк-абориген покорно приблизился к нам с Пирсоном.

– Где Симо? – спросил у него Оливье.

Рыбак с облегчением выдохнул, очевидно, обрадовавшись, что объектом нашего интереса был не он, а кто-то еще.

– Колдун? – уточнил он.

– Тут еще есть какой-то Симо? – Оливье в тот день был раздражительным.

Толстяк втянул голову в округлые плечи:

– Нет, сэр.

– Так где он, черт тебя порази?

– Он, кажется, на берегу, мистер Пирсон.

Толстяк робко указал рукой в направлении каменистого берега, на котором стояли рыбацкие лодки.

Симо сидел на скале, возвышавшейся у самой линии прибоя. Ярко-желтая футболка делала его заметным издали. Хотя галька под нашими с Пирсоном ногами громко шуршала, Симо, сидевший спиной к берегу, даже не оглянулся – он беспрестанно бил ладонями в плоский барабан, украшенный золотой бахромой.

– Эй, уважаемый, – постучал Пирсон тростью по камню Колдуна.

Никакого эффекта.

– Симо! – крикнул Оливье.

Длинные курчавые волосы Колдуна, стянутые в пучок широкой красной лентой, подрагивали на ветру. На шее Симо блестело несколько цепочек.

Я обошел вокруг камня, чтобы увидеть лицо рыбака. Симо покачивался на своем камне, не сводя глаз с горизонта. Из-под его вздернутой верхней губы торчали лопатообразные кроличьи резцы.

– Колдун! – снова позвал Оливье.

Я помахал руками, чтобы привлечь внимание рыбака. Мне пришлось даже попрыгать на месте, чтобы его руки, наконец, перестали лупить по барабану, а взгляд оторвался от бесконечности.

– Мы ищем детей, Хелен Пирсон и Джошуа, – объяснил я Колдуну. – Здесь мистер Оливье Пирсон. Он хочет поговорить с тобой.

Симо оглянулся и надменно посмотрел на Пирсона.

– Ты видел детей? – спросил Оливье, прикрывшись ладонью от Солнца.

– Не делайте так, – низким голосом ответил Симо.

– Чего? – не понял Пирсон.

– Не гневите Лахи Кинтана.

Оливье так растерялся, что даже не возмутился:

– Лахи Кинтана? О чем ты? Кого я гневлю?

– Нельзя говорить, пряча глаза, – объяснил Колдун. – Нельзя прятать душу от Лахи Кинтана. Ты можешь разгневить его.

– Ты видел детей? – тон Пирсона выдавал нарастающее раздражение. Впрочем, руку от лица он все же убрал.

– Ты не должен спрашивать об этом, Пирсон, – ответил Симо.

– Это еще почему?

Симо отвернулся от Оливье и продолжил играть на барабане. На руках его бились в такт ударам деревянные и кожаные браслеты.

Оливье некоторое время наблюдал за Колдуном, затем подошел вплотную к камню, поднял трость и постучал ею по спине Симо:

– Уважаемый, вы не расслышали мой вопрос?

Барабан замолчал. Колдун сунул руку в карман обрезанных джинсов и что-то оттуда извлек. Затем Симо снова обернулся к Пирсону:

– Расслышал, – спокойно ответил Колдун. – Но люди моей веры никогда не отвечают на подобные вопросы. Если кто-то пропал, это значит, его мог забрать Лахи Кинтана. Помогать в поисках в этом случае означает идти против воли Лахи. Кроме того, есть риск навредить исчезнувшему – он может попасть не к Лахи, а к самой Гиене.

Оливье онемел. Однако потрясения для него еще не закончились. Все также невозмутимо Колдун открыл стеклянный пузырек, который достал из кармана, и брызнул из него прямо в лицо Пирсону. Я стоял шагах в пяти от Оливье, но омерзительная сладковатая вонь, исторгнутая из пузырька, долетела до меня за пару мгновений – видимо, благодаря попутному ветру.

Я приготовился выхватить трость у Пирсона, чтобы он не проломил Колдуну череп. Оливье диковато рассмеялся, а потом подпрыгнул и, схватив Симо за футболку, стал стягивать его с камня:

– Ты у меня сейчас сам отправишься к Лахи Кинтана, подонок! Я вышибу тебя с Алакосо к чертям! Остаток жизни проживешь на Руу!

Оливье замахнулся на Симо тростью. Я уже бросился оттаскивать Пирсона от камня, но меня опередил Раламбу, который незаметно подкрался к Оливье сзади и выдернул трость из его руки.

– Простите, мистер Пирсон, но это для вашего же блага! – Раламбу выставил вперед ладонь, чтобы успокоить старика.

– Ну-ка отдай! – потребовал Оливье у старосты рыбаков.

Раламбу замер в нерешительности.

– Отдай палку!

Мамфо, спустившаяся на берег вслед за Раламбу, подскочила к Пирсону и что-то зашептала ему на ухо. С каждой секундой брови Оливье хмурились все сильнее, а лицо краснело все гуще. После того, как Мамфо отстранилась от Пирсона, он еще несколько секунд стоял неподвижно, обдумывая услышанное, а затем выхватил трость у зазевавшегося Раламбу и бодро зашагал на юг.

– Хотите посмотреть на убийство? – вполголоса предложила нам Мамфо.

7

Вслед за Оливье мы вбежали в массажную комнату. На кушетке по центру помещения на животе лежала Ила Пирсон, прикрытая ниже талии вафельным полотенцем. Заслышав нас, она подняла голову, а масляные блики на ее позвоночном желобке пришли в движение. Черные ручищи массажиста зависли над женщиной. Каждая из ладоней мастера была едва ли не шире всей ее спины. Чтобы посмотреть на нас, массажисту пришлось встать рядом с кушеткой на вытяжку – тогда я еще не знал, что из-за травмы позвоночника его шея совершенно не гнулась.

Чуть притормозив на пороге, Оливье нервической походкой подошел к кушетке. Хозяин отеля угрожающе поднял трость, а массажист робко попятился, как виноватая псина. Высокий рост и внушительная мускулатура лишь усугубляли его жалкий вид. Оттеснив здоровяка к стенке, Оливье вонзил в него холодный взгляд. Глаза массажиста вздулись и неистово забегали. Лицо Оливье побагровело так сильно, что казалось, будто оно испускает жар.

– Мистер, Пирсон, у нас мало времени, – напомнил я, стараясь влезть между массажистом и Оливье. – Мы ищем детей.

Хозяин отеля смерил меня невидящим взглядом.

– Оливье... что на тебя нашло? – подала голос Ила.

Пирсон яростно оглянулся на жену:

– Вот что!

Оливье огрел массажиста тростью по плечу, а затем смял кулаком нос несчастного. Мануальный терапевт застонал, схватившись за лицо.

– Различие в наших социальных статусах обусловлено объективными причинами, Юджин, – сказал массажисту Оливье.

Пирсон повернулся и, размахивая тростью, зашагал мимо Раламбу и Мамфо к выходу, а пострадавший сотрудник отеля принялся растирать ушибленное плечо.

– Уволен, – бросил Пирсон, перед тем как скрыться за дверью.

– Оливье! – крикнула вдогонку мужу Ила, но не получила ответа.

– Мистер Нобби, вы нашли Хелен? – спросила она у меня странным требовательным тоном.

Я помотал головой и протянул платок Юджину, чтобы тот мог вытереть разбитый нос. Приводя себя в порядок, здоровяк держался за грудь, как больной-сердечник.

– Сейчас оденусь и пойду с вами! – пообещала Ила. – Юджин, подай мне, пожалуйста, халат. Я опередил массажиста, сняв халат с вешалки и передав его Иле.

– Прошу меня извинить, мистер Нобби, – благодарно улыбнулась она.

Я пошел к выходу.

– Сейчас мы все вместе пойдем на пляж. Возможно, Хелен там... – озвучила свои мысли женщина.

– Я так понял, вы ищете детей, миссис Пирсон? – шмыгнув носом, спросил Юджин.

Я оглянулся: Ила с удивлением уставилась на массажиста, завязывая на себе халат.

– Ты видел их?!

– Да, миссис Пирсон. Сегодня я видел их на озере.

8

– Хелен! – крикнула Ила.

– Джошуа! – крикнула Мамфо.

Ответом им обоим была тишина. Над зеркалом озера поднималась задумчивая дымка. У противоположного берега, заваленного сухими корягами, скопились белые кувшинки. Я обшарил глазами водную гладь, боясь увидеть детей, плавающих в Тамунто вниз лицами.

– Нет-нет-нет, – пробормотала Ила Пирсон. – Не верю. Хелен хорошо плавает. Ничего бы не случилось. Да они вообще сюда не приходили.

Здесь, на берегу Тамунто, маленькая рыжая Ила Пирсон казалась почти лилипуткой. Мелкие черты лица и светлая кожа делали ее похожей на лабораторную мышку.

Оливье поднял трость и подцепил ей с дерева ярко-желтую кепку.

– Ошибаешься, – сказал он жене.

Мамфо схватила кепку, прижала ее к груди, а затем обнюхала, словно была собачкой-ищейкой, способной находить людей по запаху.

Раламбу испуганно моргал.

– Просто играли здесь, – подумал он вслух, забрав кепку из рук Мамфо. – Потом перешли в другое место.

Судя по интонации, он сам не верил в то, что говорил.

– Разделимся, – предложила Мамфо. – Оливье, вы идете искать на пляж. Ила – в огород. Раламбу, ты отправляйся в Котел. Я вернусь в поселок. А вы, мистер Нобби, пойдете к взлетно-посадочной полосе.

Против плана Мамфо никто возражать не стал.

9

Чтобы поскорее добраться до назначенной зоны поиска, мне пришлось пройти через островное кладбище. На обожженном солнцем пустыре, немного в стороне от ржавых обломков строительной техники, из песка торчали каменные надгробия. Издавна рыбаки хоронили здесь своих соплеменников. Впрочем, в последние годы похороны на Алакосо постепенно становились редким явлением – все больше островитян перебиралось на Большую землю.

Преодолев ряды пыльных надгробий, я наконец, добрался до взлетно-посадочной полосы Алакосо. Шансы найти Джошуа и Хелен где-то поблизости я оценивал, как очень высокие. Я знал, что мальчик нередко запускал здесь воздушного змея – по ровному покрытию полосы было легко бегать, кроме того, запуску змея тут не мешали деревья. Знал я также, что Джошуа не отходил от грузопассажирской Сессны-208 в те дни, когда она здесь стояла.

Однако вопреки ожиданиям, рядом с крылатой машиной ни мальчика, ни его подружку я не увидел. Впрочем, кое-кто там все-таки был.

Я уже не раз видел Катю Лебедеву, которая по воздуху доставляла на Алакосо все то, что не производило местное хозяйство. Одета в защитного цвета комбинезон и высокие армейские ботинки, она стояла спиной ко мне у открытого моторного отсека, орудуя гигантским гаечным ключом.

Когда мои подошвы застучали о покрытие полосы, Катя оглянулась через плечо, ее острые брови подпрыгнули, а губы сложились в приветливую улыбку. Прядь каштановых волос, которая выбилась из тугого хвоста, упала летчице на лоб параллельно шраму, рассекавшему левую щеку.

– Шланг топливного насоса, – объяснила Катя, вытирая рукавом испачканное в мазуте лицо. – Порвался.

Не успел я выразить сожаление, как летчица поманила меня рукой:

– Не подержите вот здесь?

Мне пришлось взяться за металлическую планку, чтобы она не вращалась вместе с гайкой, которую, закручивала Лебедева. Каждый поворот ключа сопровождался громким пыхтением Кати.

– Без шланга полеты закончены, – сказала Катя, переводя дух. – Придется ждать запчасть с Большой земли.

Ее ровные длинные пальцы, сжимавшие гаечный ключ, были совсем черными от смазочных материалов. Катя кратко взглянула на меня и смущенно улыбнулась. Я уже не сомневался, что нравлюсь ей.

– Сюда не приходили... – начал я.

– Хелен Пирсон и Джошуа? – опередила меня Лебедева. – Ила сегодня трижды была здесь. Нет. Я торчу тут уже часов шесть. Но дети сюда не приходили. Нет. Все. Можно не держать.

Катя снова улыбнулась и почесала за ухом.

10

Когда участники нашего поискового отряда снова собрались возле отеля, ни у кого не было добрых вестей. Вместе мы направились в Западную рошу – интуиция подсказывала Иле, что нужно искать там.

Под крики четырех родителей, попеременно звавших Джошуа и Хелен, мы продвигались сквозь рошу к западному берегу Алакоса. Дети не отзывались. Между тем через каких-нибудь полчаса должны были начаться сумерки.

– Это невозможно, – тараторила Ила Пирсон, обращаясь непонятно к кому. – Это просто невозможно. Это никуда не годится. Мы должны были сегодня работать в саду. Я должна была показать дочери, как высаживать дыню. Вы знаете, это непросто. Можно подумать: бросил зернышко в землю и все. Но это целая наука. Я говорила! Тысячу раз говорила Хелен, чтобы она заранее предупредила, где собирается провести день!

– Предупредила? – усмехнулась Мамфо. – Письменно?

Ила, поняв, на что намекает управляющая, бросила на нее недобрый взгляд.

– Смотрите! – воскликнул Раламбу.

– Опять он! – всплеснула руками Ила.

Под деревом в вечернем полумраке угадывалась фигура Фриза – буян валялся на земле, раскинув конечности, как морская звезда. Мы обступили его со всех сторон.

– Робин! – Раламбу потряс Фриза за плечо, сев рядом на корточки.

В тени деревьев белки старосты рыбаков сияли, точно фосфор. Диснеевская мимика выражала озабоченное внимание, впрочем гротескные ужимки Раламбу даже в тот момент заставляли меня сомневаться в его серьезности.

Пробурчав что-то нечленораздельное, Фриз перевернулся на живот и уткнулся лицом в землю. Ила подседа к нему с противоположной от Раламбу стороны.

– Мистер Фриз! – тонким голосом позвала она. – Мистер Фриз, вы должны помочь нам. Мы ищем Хелен, нашу дочь. Вы видели ее сегодня?

– Или Джошуа, – вставил Раламбу.

– Знаете, каково это? – пробубнил Фриз в траву.

– Что? – переспросила Ила.

– Знаете, каково это – вытравливать из души влюбленность? Это все равно что выдавливать камни из почек.

– Он бредит, – объяснил Раламбу.

Внезапно Фриз повернул лицо, искаженное гримасой ужаса, к старосте рыбаков.

– Черт! Боже! – воскликнул буян, закрываясь от Раламбу рукой.

Ила недоумевающе огляделась.

– Успокойтесь, мистер Фриз, – сказала она. – Здесь только мы. Вам нечего бояться. Неужели вы нас испугались?

Робин кивнул:

– Нормальный человек всегда боится людей.

– Мистер Фриз, пожалуйста, помогите нам, – Ила прикоснулась к плечу Робина, заставив его вздрогнуть.

Оливье, который до сих пор стоял немного поодаль, что-то проворчал, а затем подскочил к Фризу и, схватив его за грудки, рванул на себя:

– Говори, ты, пьянчуга! Где моя дочь? Где?

Робин беспорядочно размахивал руками, словно отбиваясь от привидений.

– Ты видел их сегодня? – прокричал в лицо Фризу Пирсон.

– Детей? – зачем-то уточнил Робин.

– Ты видел мою дочь?

Фриз неистово замотал головой.

Мне надоело наблюдать за процедурой дознания, и я решил прогуляться в том направлении, откуда сквозь заросли сияло заходящее солнце.

11

Я увидел их первым – два сидячих силуэта на фоне рыжего заката, расчерченного стволами деревьев, будто полосами штрих-кода. Оглянувшись на Пирсонов, Мамфо и Раламбу, которые продолжали пытаться Фриза, я решил пока ничего им не сообщать.

Дети, похожие на фигурки театра теней, будто любовались закатом, опершись спинами на большой пенек. Я обошел его, а затем заглянул в лица ребят. Они сидели неподвижно, с закрытыми глазами.

Это был готовый сюжет для социальной рекламы на тему дружбы народов: черная щека шестилетнего Джошуа, прижатая к светлокожему плечу четырнадцатилетней Хелен – запоминающийся образ.

Присев рядом с детьми, я услышал мирное посапывание и успокоился.

– Эй, – тихо позвал я.

Веки Хелен дрогнули и медленно приподнялись. Легкая курносость, пухлые щечки, усыпанные веснушками, робкие, чуть ветвистые трещинки носогубных складок – все эти приметы милой уязвимости не должны были вводить наблюдателя в заблуждение: через какую-то пару лет сочетание густой зелени глаз и электротехнической меди волос грозило стать настоящим бедствием для мужской половины островитян.

Я встал, чтобы позвать родителей беглецов.

– Да чего вы пристали ко мне? – отбивался от них Фриз. – Ищите их на Руу! На Руу! Где им еще быть?

– Я, пожалуй, возьму лодку и действительно туда сплаваю, – вызвался Раламбу.

Мне не хотелось, чтобы он тратил силы и время на плавание до Руу и обратно, хоть островок и находился всего в двухстах метрах от Алакоса.

– Не надо куда плавать. Они здесь! – громко проговорил я.

Увлеченные допросом Фриза, родители Хелен и Джошуа не сразу обратили на меня внимание. Первой к пню подоспела Мамфо, за ней подошли Раламбу и Пирсоны.

– Боже мой, Хелен! Как ты нас напугала! – запричитала маленькая Ила, присев возле дочери.

– Джошуа, вставай! – стальным голосом произнесла Мамфо и шлепнула ладонью по щеке мальчика.

Джошуа с трудом разлепил сонные глаза.

– Вставай, – приказала ему Мамфо.

– Что вы делали тут? – подозрительно озираясь, спросила Ила у дочери.

Хелен посмотрела куда-то через плечо матери.

– Чего тут интересного? – недоумевала Ила, покосившись на Джошуа.

– Мы наблюдали, – сказал мальчик.

– Чего тут можно наблюдать? – хмыкнула Мамфо.

– Это! – Джошуа вытянул руку вперед и вверх.

Все повернулись, чтобы посмотреть, куда показывает мальчик, а затем, не сговариваясь, пошли в ту сторону, откуда сиял закат. Хелен и Джошуа вместе со взрослыми отправились к берегу.

Выйдя из рощи, мы долго и в полной тишине рассматривали вечернее небо.

– Что это за хренота? – первой нарушила молчание Мамфо.

Ила Пирсон окинула управляющую отелем недовольным взглядом и снова вернулась к созерцанию неба.

Золото заходящего солнца и лиловый оттенок всего остального небосвода были обычными для этого времени суток. И все же небесная сфера выглядела совершенно по-новому.

Во-первых, вдоль горизонта горело странное розовое зарево. Во-вторых, в нескольких местах на небе светились пятна, похожие по форме на эллиптические галактики из астрономических энциклопедий. Некоторые из них медленно тускнели, некоторые – разгорались ярче. Размерами они были примерно с Луну. В-третьих, от горизонта через равные промежутки (около 30 градусов) отходили вертикальные полосы зеленого света, соединявшиеся в одной точке – Земля словно оказалась внутри птичьей клетки с лазерными прутьями. По мере того как солнце опускалось за горизонт, «небесные меридианы» на глазах становились все ярче, прокладывая по водам Индийского океана дрожащие зеленые дорожки.

Мы, все кто собрался в тот вечер на западном берегу Алакоса, не могли насмотреться на таинственные атмосферные явления.

– Что такое? – слышался пьяный голос Фриза. – Что у вас тут за собрание?

Покачиваясь, Робин вышел из рощи и присоединился к остальным. Фриз взялся за ветку одиноко растущего дерева и, сильно сощурившись, поглядел на небо:

– Что там? НЛО?

– Нужно было раньше думать о лазерной коррекции, – съязвила в ответ Мамфо.

– Дорогой, что все это значит? – обратилась Ила Пирсон к мужу, придвинувшись к нему поближе.

Оливье, который все еще сердился, отрешенно взглянул на Илу. Впрочем, выражение его лица постепенно смягчалось.

– Скажи мне это, пожалуйста, – попросила Ила мужа. – Скажи, что ничего не изменится. Все ведь было так хорошо! Скажи, что ничего не изменится!

Пирсон снова посмотрел на небо. Что-то помешало ему дать быстрый ответ жене, которая с надеждой на него смотрела.

– Конечно, дорогая, – наконец проговорил Оливье. – Ничего не изменится. Если нас и ждут перемены, то только к лучшему.

Ила счастливо улыбнулась, а на небе зажглось новое световое пятно.

Глава 2 Перемены

12

12 суток с Омега-дня

Мы нагнали Юджина в Западной роще – там, где он несколькими минутами раньше настиг Тамби. Массажист прижал девушку к стволу дерева. Предплечьем правой руки (той, в которой держал пистолет-пулемет) Юджин давил на шею Тамби, а левой – беспардонно шарил у горничной под юбкой. Черные пальцы девушки вцепились в белоснежный фартук, Тамби хрипела и кашляла, а Юджин шумно дышал ей в лицо, в порыве страсти побрызгивая слюной.

- Оставь ее, – потребовал я без особой надежды.
- Делаешь глупость, Юджин, – предупредила Мамфо.
- Не заткнетесь – ляжете оба! – ответил нам массажист.

На его темно-коричневом лбу выступила испарина. В ту минуту мне показалось, что из ноздрей Юджина валит пар, как у разгоряченного жеребца. Вынув руку из-под юбки Тамби, массажист стал расстегивать брюки. Тамби завизжала, предчувствуя самое худшее.

- Убери от нее руки, животное, – сказал кто-то властным тоном.

Из рощи появился Оливье Пирсон. Хозяин отеля остановился на дорожке, наведя на Юджина маленький серебристый револьвер. Гордая осанка Пирсона и элегантная шляпа добавляли ему благородства.

Я задрал голову: не спровоцируют ли внезапные небесные вспышки перестрелку? К счастью, кроны деревьев образовывали в этом месте подобие зеленого купола, почти полностью скрывавшего небо.

- Брось оружие! – приказал Пирсон.

Юджин приставил ствол пистолета-пулемета к голове Тамби:

- Сам бросай, старик. Или узнаешь, чем пахнут ее мозги.

Массажист, держа рыдавшую Тамби за шею, выполнил медленный оборот по часовой стрелке и встал лицом к Пирсону.

– Юджин, если вам необходим заложник, отпустите девушку и возьмите меня, – предложил я.

С поднятыми руками я направился к массажисту, но тот сразу же зарычал:

- Стой на месте, Нобби. С тебя шаг, с меня – пуля.

Юджин злобно улыбнулся Пирсону:

- Старик, роняй свой пистолетик, пока не поздно.

– Давайте упростим ситуацию, – вступила в переговоры Мамфо. – На счет «три» вы разом опустите стволы. Идет?

- Закрой пасть, – огрызнулся на управляющую отелем Юджин.

На лице женщины не появилось и следа обиды, что-то позади Пирсона ненадолго привлекло ее внимание.

– Надо как-то выходить из тупика, ребята, – спокойно проговорила Мамфо. – Вы хотите так до вечера стоять?

Женщина пошла к Пирсону, словно опасаясь, что он ее плохо слышит.

- Оливье, – сказала она, – будьте умнее. Остановите этот водевиль.

Пирсон игнорировал Мамфо, морщась в попытках прицелиться как можно точнее.

– Зрение уже не то, да? – подначивал хозяина отеля Юджин. – Не попадешь в меня. А я в нее попаду! Да, крошка?

Массажист тряхнул Тамби, и та громко взвизгнула.

Пирсон нервно поджал губы. Револьвер (тот самый Smith & Wesson Model 638 с гравировкой «O.P.») подрагивал в его усталой руке. Палец Пирсона легонько касался спускового крючка, и я боялся, как бы руку Оливье внезапно не свело судорогой.

– Всем бросить оружие! – приказал чей-то сиплый голос. – Полиция Алакосо!

За спиной Оливье стоял невысокий худощавый человек в форме песочного цвета. Кожа его была почти такой же темной, как длинные волосы, заплетенные в афрокосички. К моему удивлению, он оказался безоружен. Снова повторив требование, полицейский закашлялся.

– Оружие... на... землю! – еще раз скомандовал он.

Пирсон заметно воодушевился и с улыбкой узнавания обернулся на голос полицейского. Мамфо среагировала молниеносно: она подпрыгнула к Оливье и пнула по его руке, сжимавшей револьвер. Сверкая в воздухе шлифованным металлом, S & W подлетел над землей на добрый десяток метров и упал где-то в зарослях, откуда тут же вспорхнули перепуганные птички. Полицейский хладнокровно проследил за полетом револьвера, уперев в бока тощие руки.

– Футболистка, – усмехнулся Юджин.

– Это для вашего же блага, – завершила Мамфо Оливье, который со стонами растирал ушибленную кисть.

Юджин, оценив перемены в раскладе, отшвырнул от себя Тамби и решительно двинулся к Оливье. Массажист переложил пистолет-пулемет в левую руку, а правой с ходу ударил Пирсона в челюсть, отчего тот, разумеется, не удержался на ногах и упал, едва не задев затылком дерево. Не успел Оливье и охнуть, как Юджин поставил ботинок прямо на его лицо, а затем с силой топнул. Когда массажист убрал ногу, стало видно разбитый, вымазанный в крови и грязи рот Пирсона, который мычащий от боли и ярости Оливье поспешил рефлекторно прикрыть руками. Юджин согнулся в поясе (этим движением он заменял наклон головы) и плюнул бывшему начальнику на лоб.

– Различия в наших социальных статусах неслучайны, мистер Пирсон, – тихо произнес Юджин.

Мамфо в это время обратилась к полицейскому, который равнодушно наблюдал за разыгравшейся сценой:

– Добрый день, мистер Зибко. С возвращением! У нас тут, как видите, небольшие перемены.

13

Я обшаривал траву и кусты в поисках небольшого металлического предмета с гравировкой в виде букв «О.Р.» Сидя на корточках недалеко от меня, револьвер искала Мамфо. Высокая трава щекотала мурену, изображенную на ноге женщины. Адриан Зибко тоже находился неподалеку – он ползал на четвереньках от одного куста к другому, пачкая светло-бежевые брюки полицейской формы.

– Ты там уже искал, Отшельник, – услышал я за спиной недовольный голос Юджина. – Посмотри под тем деревом!

Массажист показал пистолетом-пулеметом на старый эбен с уродливым стволом.

Юджин координировал поиски, стоя на тропе, идущей через рощу. Будучи не в силах крутить головой, он поочередно вставал лицом к каждому из участников поисковой группы.

На плечах новоявленного лидера красовался белый пиджак, еще недавно принадлежавший хозяину отеля. Юджина мало волновало, что рукава одеяния выглядели куцыми, а швы на широкой спине грозили лопнуть в любую секунду – для массажиста главным было символическое значение «обновки».

– Ищите как следует! – крикнул нам Юджин. – Он не мог раствориться в воздухе.

Зибко сел на траву и, сдвинув дымящийся сплиф в угол рта, проговорил:

– Мы ползаем тут уже третий час. Я больше не могу.

Полицейский потерял сломанным носом о рукав, оставив на ткани потный след. Словно иллюстрируя упадок сил, Зибко забился в приступе кашля.

Однако Юджин был неумолим – жалоба полицейского не возымела ни малейшего эффекта. Зибко оставалось лишь горько вздохнуть и с кряхтением встать на четвереньки для продолжения поисков.

– Порванные уши! – взвизгнула Мамфо.

По ее предплечью ползла большая зелено-желтая гусеница, и сколько бы женщина ни дергала рукой, ей никак не удавалось стряхнуть уродливое создание. Совладав, наконец, с нервами, Мамфо поднесла к гусенице единственный палец правой руки и сшибла личинку ударом ногтя.

– Брррр, – поежилась женщина.

Вслед за этим Мамфо зачем-то обнюхала свою кожу в том месте, по которому ползла гусеница.

– Ладно, идите сюда, – неожиданно помиловал нас Юджин. – Только медленно и с поднятыми руками.

Не веря своему счастью, мы бросили казавшиеся уже безнадежными поиски и отправились к массажисту.

– Что в кармане? – угрожающе спросил Юджин у Мамфо.

– Ничего... – удивленно промолвила женщина, проведя ладонью по джинсовым шортам.

– Что в кармане? – еще более грозно повторил Юджин и навел на Мамфо пистолет-пулемет.

Бывшая администратор отеля вывернула карман наизнанку. Юджин немного успокоился, но оружие так и не опустил. Попятившись шагов на пять, он коротко скомандовал:

– Раздевайтесь.

– Что? – не поверил ушам Зибко.

– Раздевайтесь! – рявкнул Юджин.

– При всем уважении, – растерянно проговорил полицейский, – неужели ты думаешь, что ни на секунду не пропадая из твоего поля зрения, мы успели припрятать...

Зибко осекся, поскольку все его внимание сосредоточилось на Мамфо, которая в усталой решительности сдернула с себя майку и принялась расстегивать шорты.

– Ну ладно, – пожал плечами полицейский и потянулся к пряжке ремня.

14

Вместе с Катей Лебедевой мы устроились на заборчике, который обрамлял примыкавшую к отелю лужайку. На противоположной стороне площадки собралась толпа островитян – что-то вроде народного схода. Люди сгрудились перед длинным столом, установленным прямо под открытым небом и накрытым красной тканью. Однако места в «президиуме» пока пустовали. Юджин, вооруженный пистолетом-пулеметом, а также Зибко и Мамфо о чем-то совещались, держась обособленно от остальных собравшихся.

– Одного я не понимаю, – сказал я Кате. – Как Юджин завладел автоматом?

– Это пистолет-пулемет Truvelo Armoury VXP, – поправила меня Лебедева.

– Да, я как раз это имел в виду. Как пистолет-пулемет попал в руки Юджина?

– Не только пистолет-пулемет, – хихикнула Катя. – К нему в руки попал весь полицейский арсенал Алакосо!

– Как, впрочем, и весь Алакосо... И все-таки, как это могло случиться?

– Любой вопрос о том, что происходит на острове, задавайте Лебедевой! Она знает все! – с шутилой гордостью объявила Катя.

– Кажется, я это уже сделал.

– Рядом с Юджином стоит Адриан Зибко, благодаря которому сегодня на твоих глазах был повержен Оливье Пирсон. Зибко – начальник местного отделения полиции. Думаю, ты и сам догадался по его форме. Весь последний месяц он провалялся в медблоке с пневмонией. Не знаю, как бы Зибко распорядился арсеналом после Омега-дня, но вопрос с оружием решился без его участия.

– Каким образом?

– У Зибко на острове есть помощник-стажер, – упивалась своей осведомленностью Катя. – Энтони Морн. Вот он стоит. Его здесь все называют Очкариком.

Лебедева показала на худощавого белого парня в бермудах и голубой рубашке. Сквозь огромные очки Морн с восторгом следил за Юджином, Зибко и Мамфо.

– Если хочешь кого-то поблагодарить за вооружение Юджина, благодари его, – сказала Катя.

– То есть он добровольно сдал арсенал массажисту? – удивился я. – Откуда тебе это известно?

– Ну, по поводу добровольной сдачи оружия, – это вывод несколько преждевременный. А узнала я это, как и многое другое, от моего любимого дядюшки Януса. Ему, как он говорит, известно о жителях острова больше, чем они сами о себе знают.

– Этим может похвастаться любой врач, – заметил я.

– Если он – хороший врач. Хотя о том, как Юджин заполучил оружие, дядя Янус узнал не в ходе приема.

– А как?

– На рыбалке. На днях он ходил рыбачить на озеро. Там ему и открылась правда.

Я выждал, пока Кате надоест пытаться меня интригующей паузой, и моя собеседница поделилась подробностями:

– Дядя сидел среди тростника, и, похоже, его было не так легко заметить, – хохотнула Лебедева. – Зато сам он все отлично видел и слышал. Где-то через час после начала рыбалки на берег заявили Мамфо и Энтони Морн, – Катя опять указала на Очкарика. – Из их разговора дядя понял, что Мамфо обратилась к полицейскому-стажеру в связи с пропажей сына. «Пропажу» мы закавычим. Этой бестии было несложно заманить Морна на поиски ее ребенка. Только посмотри на этого пай-мальчика! Когда в его каморку вошла черная демонница, у паренька, наверное, дыхание перехватило!

– Женская красота – ингибитор мужского интеллекта, – согласился я.

– Не знаю, что такое «ингибитор», – призналась Катя, – но ты, вроде, прав. Короче говоря, «поиски» сына привели Морна и Мамфо к озеру, где рыбачил дядя Янус. И у водоема Энтони едва не лишился чувств. А все из-за того, что Мамфо вдруг сбросила с себя всю одежду и приткнутой рыбкой нырнула в Тамунто: плещется и зовет Морна присоединиться.

Я невольно переключил внимание на Мамфо, которая оживленно разговаривала с Юджином и Зибко.

– Мурена, кстати, любит поплавать в озере, – вспомнила Катя. – Особенно рано поутру. Ты о чем там задумался?

– Мурена – это Мамфо? – уточнил я.

– Ага. Так ее зовут вне отеля. Итак, Морн долго не ломался. Наверное, сказал себе, что это часть расследования. Сбросил форму, кобуру и бултых!

– И долго они плавали? – спросил я.

– Ровно столько, сколько потребовалось кое-кому на то, чтобы прихватить с берега пистолет, наручники, а главное – ключи от участка и ящика с оружием.

Лебедева указала острым подбородком на Юджина.

– Морн не забудет это купание, – заключила Катя. – Но не по той причине, по которой бы хотел.

Юджин, Мамфо и Адриан Зибко тем временем чинно расселись за столом перед толпой островитян.

– Это купание запомним мы все, – сказал я.

– Видишь связку ключей на столе перед Юджином? – вполголоса спросила Катя. – Это ключи от всех помещений отеля. Только Юджин теперь решает, какие двери и когда отпирать. И запирать.

– Нас ждет веселье с этим Юджином, – вздохнул я.

– Кстати, если до тебя еще не дошло официальное распоряжение... – вспомнила Катя. – Для нас всех он больше не массажист Юджин. Перед нами комендант Алакосо. Слева от него – Мамфо, она же Мурена, но для простых смертных – старшая по хозяйству. Справа от коменданта кашляет Адриан Зибко. Теперь он – старший по безопасности.

– А еще говорят, что после апокалипсиса приходит анархия!

– Только посмотри на это существо, – презрительно проговорила Катя, глядя на Юджина. – Как ему уютно там, в скафандре скудоумия! Он всеми любим, а мир вокруг прост и понятен. На месте и главный спутник глупости – тотальное недоверие: с Truvelo он не расстанется ни на минуту. А что касается Западной рожи, где ты сегодня участвовал в групповом стриптизе... Островитянам теперь запрещено ходить туда под страхом смерти – болван все еще ищет револьвер Оливье Пирсона. Вдобавок он запретил всем разговаривать на любом языке, кроме английского.

– Это еще почему?

– Массажист родом не с Алакосо, – объяснила Катя. – Он не знает местного диалекта. Очередная параноидальная предосторожность.

– Думаю, ближайшую революцию стоит ждать уже на этой неделе, – предположил я.

– Я рада иметь приятеля-оптимиста, – усмехнулась Катя. – Но не будем забывать, что жажда свободы у людей редко превосходит жажду подчинения.

15

На полуденном небосводе одновременно зажглись две небольшие вспышки, а внизу, на лужайке возле отеля, продолжалось заседание. Юджин, Симо и Мамфо, похожие на участников судебной коллегии, восседали за длинным столом. Непоседливый Зибко стоял спиной к ним, опираясь на столешницу тощими ягодицами.

Перед «экзаменационной комиссией» держала ответ Венди – та самая толстая негритянка, которая в Омега-день отбила Тамби от притязаний пьяного Робина Фриза. Язык тела женщины (втянутая в плечи голова, шарящий по земле взгляд, мнушие подол пальцы) свидетельствовал о глубоком почтении и даже трепете перед новоиспеченным руководством.

Мы с Лебедевой сидели на заборчике в другом конце лужайки, поэтому не слышали слов Зибко, обращенных к Венди. Зато со стороны было забавно наблюдать за выразительной жестикующей Адриана.

Неожиданно Зибко зашелся в кашле.

– А наш полицейский рановато выписался из больницы, – заметил я.

– Он упустил кучу возможностей, пока валялся в медблоке, – объяснила Катя. – Наверное, теперь боится вовсе остаться не у дел.

– А как он вообще угодил в медблок?

– Откуда я могу это знать? – хитро прищурившись, спросила Лебедева.

– От дяди Януса, естественно.

Катя улыбнулась, не собираясь отпираться. Она развела обтянутые камуфляжными штанами колени и сплюнула себе под ноги.

– Односторонняя пневмония, – выдала она диагноз Зибко.

Я тут же вспомнил небольшой эпизод двухнедельной давности. Мигрень, сверлившая мою голову третий день к ряду, привела меня в медблок. Я сидел в кресле гостевой комнаты, растирая пальцами виски и медленно покачиваясь взад-вперед.

Скрип открывающейся входной двери довел мои страдания до локального максимума. В медблок пожаловал Джошуа:

– Доброе утро, мистер Нобби!

Мой взгляд скользнул вверх по шортам, подтяжкам и рубашонке мальчика.

– Привет, Джошуа, – ответил я, гадая, в какой глаз ребенка заглянуть (они смотрели в разные стороны).

В руках Джошуа держал лист бумаги, и, когда мальчик подошел ближе, стало понятно, что это рисунок. На картинке был изображен парусный корабль с надписью «Hispaniola» на борту.

– Молодец! – похвалил я Джошуа. – Сам рисовал?

– Ага. Это... как ее... Ну... На букву «с», – постучал себе по лбу мальчик.

– Шхуна, – подсказал я.

– Точно! Шхуна! Это для моего друга, мистера Зибко, – с гордостью сообщил Джошуа.

– Мистер Зибко – это полицейский?

– Начальник местного отделения, – подтвердил ребенок.

Открылась дверь, ведущая в медицинский стационар, и к нам вышел старый доктор Янус Орэ. На нем был опрятный белый халат, гармонизировавший по цвету с седой шевелюрой врача. Во рту доктор Орэ держал средних размеров курительную трубку.

– Мистер Орэ, а можно мне повидать мистера Зибко? – обратился к врачу мальчик.

Янус потрещал ребенка по волосам и помотал головой:

– Увы, мистер Зибко пока не в лучшем состоянии. Давай отложим вашу встречу на неделю.

Джошуа разочарованно вздохнул. Очевидно, желая подбодрить его, доктор извлек из халата конфету. Глаза Джошуа засверкали при виде неожиданного угощения.

– А вы можете хотя бы передать ему мой рисунок? – попросил он.

Доктор взял из рук мальчика бумажный лист, при этом стала хорошо заметна дрожь в руках Орэ. Осмотрев рисунок, Янус одобрительно улыбнулся и выпустил изо рта облако белого дыма.

– Да наш товарищ Зибко обрадуется твоему подарку, как куреву! – проговорил доктор.

Из-за двери стационара послышался громкий надрывный кашель.

– Если только этот сукин сын не отбросит коньки в ближайшие сутки, – добавил Орэ и подмигнул мальчику.

Мы с Джошуа переглянулись.

Сидя рядом с Лебедевой на лужайке возле отеля, я снова слышал этот тяжелый, каркающий кашель, но в этот раз я мог наблюдать больного полицейского собственными глазами.

– Сегодня я видел его голым, но почти ничего о нем не знаю, – посетовал я.

Лебедева усмехнулась, и шрам на ее лице приобрел легкий изгиб.

– До Омега-дня был начальником местного отделения полиции, – принялась рассказывать Катя. – Возраст: сорок лет. Проблемы с законом из-за... запрещенных растений. Боязнь высоты. Тесные связи с криминалом – наркоторговля. Однажды чуть не погиб в перестрелке. В прошлом имел семью, пока сын не пристрелил свою мать, жену Зибко. Впрочем... Это все слухи.

– Учитывая, что слухи – руда истины, – заметил я, – наш полицейский непременно займет достойное место в новой элите острова.

16

По мере приближения вечера на небосводе стали проявляться светящиеся зеленые полосы. Я называл их «небесными меридианами», и это обозначение быстро прижилось среди островитян.

– Кто-нибудь уже понял, что это за линии? – спросила у меня Катя.

– Ни одного разумного объяснения, – помотал я головой. – Хотя...

– Хотя?

– Пожалуй, это неприродное явление.

– То есть? – насторожилась Лебедева. – Неприродное – значит, искусственное, рукотворное?

– Да. Возьмем, например, твой самолет. Согласись, глядя на него, трудно предположить, что он вырос из земли, как дерево.

Лебедева закатила глаза, по всей вероятности, вызывая в памяти образ самолета. Затем она нахмурила брови и так широко зевнула, что мне удалось провести беглый осмотр ее ротовой полости и констатировать в целом удовлетворительное состояние зубов. Зевок сопровождало сладкое потягивание: Катя вытянула в сторону левую руку, а правую – согнула в локте.

– От небесных меридианов у меня приблизительно такое же впечатление, как от твоего самолета, – сказал я.

Некоторое время мы безмолвно тарасились друг на друга.

– Что произошло двадцать девятого августа? – прервала молчание Кейт.

– Сорок два, – отозвался я.

– Сорок два?

– Ты сорок второй человек, который задает мне этот вопрос, – пояснил я. – Этот и еще один: «что теперь делать?»

– Ну, с вопросом «что делать?» все понятно. На него имеется единственно правильный ответ: жить.

– Не все так просто, – возразил я. – Мне, например, неизвестно, как жить в изолированной от цивилизации группе, в которой прежние общественные отношения быстро утрачивают силу.

Мои опасения были искренними. Я делился ими с Лебедевой, держа в поле зрения собрание, которое шло у стен отеля. Похоже, заседание подходило к концу – за столом остался только Юджин. Остальные члены руководства ходили среди толпы и собирали островитян в группы на основании неизвестных мне критериев. Понятно было одно: в первую очередь они разделили мужчин и женщин.

– Жить в маленьком племени не так уж трудно, – попыталась успокоить меня Лебедева. – Главное – следить, чтобы твой взгляд не становился осмысленным. Впрочем, мы ушли в сторону. Ты так и не сказал, что случилось в Омега-день.

Я вздохнул, рассматривая пыльные узоры на военных ботинках Лебедевой.

– Разве у тебя самой нет предположений? – спросил я.

– Там явно что-то произошло. Может быть, атомная война всех против всех. Хотя... – задумалась Катя. – В этом случае все равно кто-нибудь бы выжил. До нас бы долетали радиопереговоры.

– Для связи нужна радиотехника, а ее выводит из строя электромагнитный импульс, сопровождающий атомный взрыв.

– Значит, я права? Это война?

– Не знаю, Кейт, – сказал я правду. – Это наименее дурацкое объяснение, на мой взгляд. Впрочем, с ним не согласуются вспышки и полосы на небе.

– Зато с ним согласуется другое, – задумчиво произнесла Лебедева. – На остров с начала Затыка не прибыло ни одно судно и не опустился ни один летательный аппарат. А все аборигены и туристы, которые отправились на Большую землю, обещая вскоре вернуться... не сдержали обещания.

Я сразу вспомнил эпизод, случившийся на следующий день после исчезновения связи с Большой землей. Прогуливаясь по причалу, я стал свидетелем отбытия с острова Брюса Пирсона и его семьи. Племянник Оливье широкими шагами двигался к трапу, держа пару огромных чемоданов. На борту яхты его уже ожидали супруга и пятилетняя дочь.

– Брюс, ты хорошо подумал? – кричал хозяин отеля, не поспевавший за стремительным родственником. – Может, переждете на Алакосе еще пару дней?

– Нет необходимости, дядя, – с подавляемым раздражением ответил Брюс. – Не нужно устраивать трагедию из-за обычных перебоев со связью. Завтра у меня совещание в Йоханнесбурге, у Мэри – благотворительный бал, а у Бет – конкурс чтецов.

Когда яхта отплыла от пирса на дюжину метров, с борта донесся детский плач. Маленькая дочь Брюса протягивала ручку к причалу и пронзительно ревела.

– Что? Что происходит? – всполошился Оливье, который стоял рядом со мной на пирсе.

– Воздушный шарик, – подсказал я, ткнув пальцем в надувного Губку Боба, привязанного к ограждению причала.

Оливье Пирсон сострадательно покачал головой.

– Не плачь, дорогая, – уговаривал рыдавшую дочь Брюс. Через пару дней мы вернемся на остров, и ты заберешь свой шарик.

Перед моим мысленным взором всплыла новая картина. Я увидел того же Губку Боба, но уже полностью сдувшегося, забрызганного птичьим пометом и одиноко болтавшегося на перилах в ожидании уборщиков.

– Зловещее молчание Большого мира, – вырвалось у меня при этих воспоминаниях.

– Кстати, о зловещем, – подхватила Катя. – Хочешь еще немного... испугаться?

– Если только немного.

– Посмотри внимательно на небо! – показала наверх Лебедева.

Я послушался ее и запрокинул голову. Над собой я увидел лишь редкие облачка и привычную синеву, правда, с примесью зелени.

– Видишь? – нетерпеливо спросила Кейт.

– Ты о чем?

– Посмотри как следует!

Приглядевшись, я обнаружил в зените полупрозрачное пятно размером с половину Луны – непонятное затемнение с неровными краями.

– Ты говоришь о пятне? – уточнил я у Кати.

– Да.

– Что это?

Лебедева соорудила игривую гримасу:

– Ну... Разве у тебя самого нет предположений?

Я провел пальцем по щеке Лебедевой, и мы поцеловались. Должен признаться, что никогда не понимал тех, кто получает непосредственное удовольствие от этого процесса.

Не успел я придвинуться к Кате и крепко обнять ее, как мы услышали голос Мамфо:

– Простите за вторжение!

Высокая черная островитянка стояла в двух шагах от нас. Ветер чуть шевелил густую, похожую на тучу, копну ее волос. Мамфо выразительно нюхала воздух, как животное, оценивающее обстановку.

– Всем женщинам следует пройти со мной на северный берег, – грубовато заявила представительница руководства.

– За каким это чертом? – поинтересовалась Катя.

– Нужно привести в порядок лодки и рыболовные снасти, – чуть более миролюбиво ответила Мамфо и почесала щеку единственным пальцем правой руки. – Подробности узнаете на месте.

17

Извилистая очередь из мужчин протянулась почти через весь песчаный пляж. В западном его конце было установлено подобие помоста из сложенных друг на друга ящиков. На помосте сидел Симо, который держал в руках метровую трубку, похожую на стебель или стручок какого-то растения диаметром около трех сантиметров. Вокруг глаз и рта Колдуна были нарисованы белые круги.

Рядом на песке стоял Юджин. Он угрюмо взирал на островитян, медленно поворачивая верхнюю часть туловища из стороны в сторону, как тарелку радиолокатора. Тут же расхаживал Зибко, крутя на пальце серебряную цепочку.

В паре десятков метров от помоста рыбаки образовали четыре обособленных группы. На руках у представителей каждого из отрядов были повязки определенного цвета – зеленые, синие, красные и пурпурные.

Под кустом храпел Робин Фриз, рассыпав по песку длинные волосы.

Очередной рыбак подошел к помосту и встал перед ящиками на колени.

– Зури, – назвал он свое имя.

Симо посмотрел на аборигена, обнажив в улыбке высокие зубы. Рыбак запрокинул голову и широко раскрыл рот, пропуская внутрь себя зеленую трубку, которую сверху опустил Колдун. Прищутив один глаз, Колдун плавно продвигал свое орудие все ниже, что-то без перерыва бормоча.

Стоявшие в очереди мужчины, затаив дыхание, следили за процедурой. Горло рыбака расширялось, по мере того как по нему проходил конец стебля. Глаза аборигена заблестели от слез. Инстинктивно он попытался схватить стебель руками.

– Не трогать! – рявкнул Симо и ввел орудие еще глубже в пищевод Зури.

Аборигена начало выворачивать, он забился в рвотных судорогах. Симо ухмылялся, осторожно вращая стебель внутри рыбака. Зури громко рыгнул. Лица стоявших в очереди исказились в омерзении.

Симо не останавливался. Миллиметр за миллиметром стебель внедрялся в пищеварительный тракт рыбака. Наконец, остановив погружение, Колдун стал сдавливать стебель кулаками, имитируя работу перистальтического насоса. Зури отчаянно рыгал, по его щекам катились слезы.

Симо взял в рот свой конец стебля и, набрав в грудь побольше воздуха, принялся дуть в зеленую трубку. Живот рыбака стал раздуваться, как кузнечные меха. Еще немного подув, Колдун достал откуда-то стеклянный пузырек с темной жидкостью и влил его содержимое в отверстие стебля. Через несколько секунд, когда жидкость, судя по всему, стекла в желудок Зури, рыбак протяжно замычал и снова затрясся в судорогах. Колдун опять подул в отверстие, что-то пробурчал и резко вырвал стебель из рыбака. За трубкой потянулись клейкие нити желудочной слизи.

Упав на четвереньки, Зури зашелся кашлем, а затем его вырвало – на песке образовалась черная лужица.

– О, дружок, что-то ты совсем расклеился, – прокомментировал Симо.

Зибко взял с ящика лоскут зеленой материи и повязал его на руку Зури.

– Дуй к остальным, – приказал старший по безопасности и пнул рыбака под зад.

Зури кое-как поднялся на ноги и, шатаясь, побрел к группе товарищей с зелеными повязками.

– Следующий! – гаркнул сверху Симо.

Новый рыбак покорно занял место Зури, встав на колени перед помостом.

– Что это за дерьмо вы тут затеяли? – вдруг спросил кто-то из очереди.

Голос принадлежал Каси – крупному аборигену, бицепсам которого мог позавидовать даже Юджин. Все, кто был на пляже, разом примолкли.

– Ты это о чем, Каси? – вкрадчиво спросил Симо.

– Обо всем об этом, – Каси обвел пляж рукой. – Что это за идиотский обряд? Я не буду в этом участвовать. И остальным не советую.

В голосе Каси звучал явный вызов.

– Кто-нибудь из вас думает так же, как Каси? – обратился к присутствующим Симо.

Воцарилась тишина. Каси окинул взглядом безмолвную очередь. Из ряда вышел низкорослый и седоусый рыбак Сау с солнечными очками на глазах.

– Я думаю так же, как Каси! – сказал он.

– Отлично, – кивнул Симо. – Не стесняйтесь, ребята. Кто не хочет проходить обряд, скажите об этом сразу.

Снова повисла пауза.

– Я, – сказал я.

Колдун вскинул брови, но промолчал. По очереди пробежал ропот. Сау спустил на нос зеркальные очки и пристально посмотрел на меня поверх них. Каси задумчиво потянул за козырек своей белой бейсболки с надписью «Lucky».

18

13 суток с Омега-дня

Мой друг Брот, создатель аналитического ситуативизма и высшей логистики, реформатор теории графов и просто гений, будь он на Алакосо, конечно же, отыскал бы способ меня поддержать и воодушевить. Без его участия на восстановление психологического равновесия у меня ушел целый день, который я провел у озера Тамунто. Я сидел, прижавшись спиной к борту лодки, стоявшей на берегу водоема. Отовсюду мне слышались предсмертные крики Сау и выстрел, оборвавший жизнь Каси.

Поглощенный воспоминаниями, я не сразу заметил Юджина и Джошуа, которые пришли к озеру. Из полузабытья меня вывел смех мальчика, а также какие-то упругие удары. Как оказалось, комендант и Джошуа затеяли игру в бадминтон – заняв позиции по сторонам западного берега, они гоняли из сторону в сторону желтый волан. Довольно долго счет поединка оставался сухим, пока, наконец, Джошуа, в прыжке взмахнув ракеткой, не пустил волан чересчур быстро для Юджина. Снаряд просвистел мимо ракетки коменданта, и мне оставалось лишь вытянуть руку, чтобы поймать его на лету.

- Один ноль в мою пользу! – радостно вскричал Джошуа. – Я чемпион Алакосо!
- А возможно, и мира, – подумал я, посмотрев в небо.

Глава 3 Хелен

19

5 месяцев и 15 суток с Омега-дня

На Алакосо наступали сумерки.

Раламбу некоторое время прижимался носом к оконному стеклу, а затем вернулся за стол.

– Ну и что нам делать со всем этим, мистер Эйнштейн? – обратился он ко мне.

– С чем, Раламбу? – спросил я, чтобы потянуть время.

Изнутри дом Раламбу напоминал автомобильный трейлер – как и в жилище на колесах, там было тесновато. Откровенно говоря, в доме имелось всего одно помещение, условно разделенное на функциональные зоны. Мы с Раламбу расположились за обеденным столом в центре комнаты, а Мамфо гремела посудой на маленькой кухне в углу.

Не знаю, насколько были довольны габаритами дома сами хозяева, но мне эта «норка хоббитов», отделанная изнутри деревянными панелями, казалась уютной. Даже пол под ногами Мамфо скрипел как-то особенно дружелюбно.

Потолок кухни был занижен относительно основного помещения, образуя большую полку. На ней располагалось спальное место, к которому поднималась вертикальная лесенка. Очевидно, это была спальня Джошуа. У противоположной стены находилась частично скрытая льняным пологом кровать Раламбу и Мамфо.

– Что нам делать с Затыком, со вспышками на небе? Что нам делать с черным пятном там, наверху? Что нам делать с Массажистом, Копом и Колдуном здесь, внизу? – развернул свой вопрос Раламбу.

Этот парень все-таки был прирожденным шоуменом. Свою речь Раламбу сопровождал выразительной мимикой: таращил глаза, двигал бровями и всячески кривил рот. Даже нервный тик, который сотрясал его глаз после каждой реплики, гармонично дополнял образ рыбака-клоуна.

– Раламбу, ты никогда не думал о творческой карьере там, на материке? – невпопад спросил я. – Мне кажется, на Алакосо тебе было... тесновато...

– Не знаю, мой друг, – задумался Раламбу. – На острове живет моя семья, а значит, мое счастье здесь. А творчество... Есть творчество, доступное всем – рождение детей, – заключил он, крепко прижав к себе Мамфо, которая принесла нам имбирный чай. – Кстати, где у нас Джошуа?

– Пошел навещать Венди, – ответила женщина.

– Что-то он долго... – забеспокоился Раламбу.

– Наверняка встретил там свою глухонемую подружку, – сверкнула недобрыми глазами Мурена.

Отсутствие четырех пальцев на правой руке не мешало ей ловко управляться с чайником и посудой.

– Мы отошли от темы, мой друг, – проговорил Раламбу, пристально глядя на меня. – Ответишь ли ты на мой вопрос?

– Нет, Раламбу, – признался я. – У меня нет ответа. Я не знаю, что делать со всем этим. Я ума не приложу, что случилось на Большой земле. И я не имею представления, что можно сделать с Юджином и его друзьями. Полагаю, мы слишком слабы для этого.

– Слабость – это попытка использовать силу там, где это неуместно, – заметила Мамфо, возвращаясь к раковине.

Черная копна ее волос задевала низкий потолок кухоньки. На Мамфо была красная майка, украшенная логотипом отеля, и джинсовые шорты с клочковатой бахромой вдоль линий среза. Мой взгляд невольно останавливался на стройных, сильных ногах Мурены.

– Не знаю, что сказать. Не вижу выхода, – помотал я головой.

– Ты пессимист, мой друг, – улыбнулся Раламбу. – Если бог наделил нас способностью надеяться, значит, все не безнадежно.

– Ты о нем хорошего мнения, Раламбу, – сказал я.

– А как иначе? Всегда нужно к чему-то стремиться... пытаться что-то изменить. Или ты готов стать... шлюхой Массажиста?

– Все люди делятся на шлюх и неудачников, – задумчиво пробубнила Мамфо. – А на Алакосо они делятся на шлюх и покойников.

– Есть исключения, родная, – возразил ей Раламбу.

– Какие?

– Катя Лебедева, к примеру.

Глаза Мамфо округлились:

– Летчица?! Она не в счет. Ей все равно долго не продержаться на своем островке. Она раздражает Юджина. И не его одного...

Раламбу выпятил губы и сдвинул их набок. При этом он так сильно нахмурил брови, что между ними пролегла глубокая извилистая складка.

Мне нравился Раламбу. В его глазах не было вызова или желания помериться социальными рангами. Пожалуй, только при общении с ним я не испытывал внутреннего напряжения.

С улицы донесся рев мощного двигателя. Какое-то массивное транспортное средство быстро приближалось к поселку. Через несколько секунд рокот мотора стал таким громким, что оконные стекла отчаянно задребезжали. Раздался визг тормозных колодок, а вслед за ним – низкий оглушительный гудок, от которого у меня заложило уши. Звуковая атака продолжалась, наверное, целую минуту – казалось, адский вой никогда не закончится. Вслед за Раламбу и Мамфо я поспешил к окну.

Посреди улицы стоял старинный трехосный грузовик – классическая американская машина с выдающимся вперед капотом. Позади кабины блестела пара хромированных выхлопных труб, а над лобовым стеклом торчал длинный клаксон.

Я узнал авто. На этом грузовике отец Оливье Пирсона (профессиональный шофер) проехал сотни тысяч миль – бывший хозяин отеля говаривал, что в машине живет дух его старика. Пирсон не пожалел денег, чтобы доставить Western Star на Алакосо.

Круглые фары грузовика крепились на вертикальных ножках как глаза краба. Огни машины слабо светились в надвигавшихся сумерках. Перед высокой решеткой радиатора на раскладном стульчике занял место Юджин. Вокруг суетились Зибко, Симо и еще трое островитян из числа приближенных.

Зибко открыл дверцу кабины и вытащил большую магнитоу, стилизованную под серебристый бумбокс из 1980-х годов. Блеснула стеклянная пластина, закрывавшая полосу настройки радиочастот. Коп поставил устройство на песок недалеко от Юджина и склонился над кнопками управления. Звуки веселой музыки разнеслись по всему поселку – из больших круглых динамиков магнитолы заиграли ритмичные латиноамериканские мотивы. Улыбаясь, Зибко сложил ненужную антенну бумбокса, а затем прокричал: «Всех с днем любви! У нас вечеринка!». Я понял, что он пьян.

Жители поселка, которые оказались в этот час на улице, застыли на месте, как напуганные зверьки. Это оказалось проигрышной тактикой. Все, кто прибыл на грузовике, за исключением Юджина, пошли в наступление. Подручных Массажиста не интересовали замершие в ужасе рыбаки – они хватали только женщин. Островитянок, которые даже не пытались оказывать сопротивления, сгоняли в группу рядом с грузовиком.

Когда у машины собралось с десятков женщин, Зибко стал по очереди подводить их к Юджину. Комендант некоторое время осматривал добычу, нагибая спину, когда требовалось посмотреть вниз. При этом создавалось впечатление, будто он кланяется каждой из пленниц. По завершении осмотра комендант что-то говорил Зибко, и тот либо сажал женщину в кузов грузовика, либо отшвыривал ее в сторону.

Когда новых женщин на улице не осталось, Симо, Зибко и трое их приспешников приступили к обходу домов. Они врывались в жилища рыбаков и спустя некоторое время появлялись оттуда, крепко держа за плечи несчастных островитянок. Иногда вслед за ними из дома показывались и осиротевшие мужья. Однако рыбаки не выказывали недовольства: они лишь растерянно чесали затылки и провожали взглядами своих жен, конвоируемых к Юджину.

Массивная фигура коменданта смотрелась на хрупком раскладном стульчике слегка комично. Юджин был одет лишь в плавки и рубашку. Расстегнутая сорочка обнажала мускулистую грудь, украшенную толстой цепочкой. Лицо Юджина с широким приплюснутым носом выражало спокойствие Будды. Маленькие глазки и полуулыбка образовывали неизменную маску, которая скрывала любые движения души коменданта (если таковые вообще имели место).

Рядом с Юджином на песке стояла бутылка с золотистой жидкостью. Время от времени Массажист поднимал ее и делал из горлышка несколько глотков. При этом он отклонял свой корпус вместе со спинкой стульчика далеко назад – шейная травма не позволяла ему запрокидывать голову.

Поворачиваясь на стуле, комендант наблюдал за ходом операции. Его правая рука сжимала рукоять пистолета-пулемета.

– Колдун, проверь там! – зычно приказал Юджин, указав направление стволом Truvelo.

Симо направился к зеленому дощатому дому на противоположной от нас стороне улицы. Перед домиком в песке росла карликовая пальма с чахлой желтой листвой. Симо едва не упал, запутавшись в листьях дерева. Похоже, он, как и Зибко, был навеселе. Установленное на сваях крыльцо трижды простонало под ногами Колдуна.

На этот раз Симо задержался в рыбацком жилище дольше обычного. Изнутри слышались шум и крики.

Обитатели зеленого домика все-таки отличались от остальных жителей поселка. Это стало понятно, когда Симо выволок на крыльцо извивавшуюся полуголую женщину, которая громко кричала и норовила укусить Колдуна. Следом из дома выбежал мужчина с разбитым носом, который повис у Симо на руке, видимо, надеясь отбить жену.

Конечно, жилистого Симо такой балласт задержать не мог. Он протащил пару по крыльцу и ступеням, а затем круто повернулся на месте, чтобы сбросить мужчину. Это удалось, однако отчаянный рыбак тут же обежал Симо сзади и обхватил его шею. Женщина в это время начала яростно царапать лицо старшего по рыболовству (новый титул Колдуна).

Юджин, внимательно следивший за потасовкой, поднял пистолет-пулемет.

Сам я в это время участвовал в другой схватке: сдерживание Раламбу стоило нам с Мамфо немалых усилий. Мы обнимали рыбака с двух сторон, блокируя его руки и не давая ему сдвинуться с места. Мурена что-то шептала мужу на ухо, вопреки запрету Юджина перейдя на родной язык.

Битва у зеленого домика продолжалась. Симо, разумеется, был сильнее повисшей на нем пары, но ярость и отчаяние придавали энергии противникам Колдуна. Потасовка оказалась

такой стремительной, что я наблюдал лишь мелькание лиц, рук и ног, да слышал яростные вопли.

Прикрыв один глаз, Юджин вытянул перед собой руку с пистолетом-пулеметом. Карликовая пальма, росшая у зеленого домика, частично закрывала от Юджина участников схватки и мешала коменданту как следует прицелиться.

Чтобы совладать с висевшим за плечами мужчиной, Симо ударился спиной о крыльцо. Рыбак здорово ушибся позвоночником и ослабил хватку, так что Колдун смог освободиться. Однако его противник почти сразу пришел в себя и успел пнуть Симо в пах. Старший по рыболовству взвыл от боли и ярости, но женщину не отпустил. Повернувшись к обидчику, Симо тут же отпрянул, едва успев уклониться от пятерни рыбака, готовой вцепиться Колдуну в волосы.

После этого все началось сначала: рыбак ухватился за руку Колдуна, державшую женщину. Симо вновь попробовал стряхнуть упрямого противника, крутанувшись вокруг себя... и в это время раздался треск пулеметной очереди.

Когда я перевел взгляд с дымившегося оружия Юджина обратно на зеленый домик, Симо уже сидел на песке с забрызганным кровью лицом. Колдун с недоумением смотрел на лежавшую рядом пару. Опомнившись, он отпустил предплечье женщины, и рука ее бессильно упала на грудь мужа.

Колдун ошупал живот, проверяя собственную невредимость, а потом встретился взглядом с Юджином и покачал головой. В сгущавшихся сумерках я отчетливо видел, что он смеется. Симо вытирал ладонями кровь со щек и хохотал. Из бумбокса его веселью вторил озорной бразильский аккордеон.

Раламбу обмяк. Как зачарованный он глядел на Колдуна. Мамфо поглаживала мужа по плечу.

– Вот черт! – вырвалось у меня, когда я увидел, как Адриан Зибко развязной походкой направился в нашу сторону.

Полицейская форма была нещадно замызгана – похоже, Адриан не следил за состоянием одежды с самого Омега-дня. Тугие, забранные назад афрокосички Адриана поблескивали в свете фар грузовика. На концах волосяных канатиков болтались бусины и металлические скобы.

Я немного согнул ноги в коленях, чтобы удержать равновесие, в том случае если Раламбу резко рванулся бы с места.

Свернутый набок нос Зибко был уже в паре шагов от двери. На темени Адриана красовались темные очки, а в зубах, как всегда, торчал изломанный сплиф.

Я чувствовал удары мощного сердца Раламбу и росшее в его теле напряжение. Он был готов к бою.

Перед самой дверью Зибко вдруг замер. Он обернулся и окликнул парней из числа припешников Юджина. Двое верзил бросили добытых женщин и бегом направились на подмогу Копу.

Наших с Мамфо сил не хватило, на то чтобы остановить Раламбу – вырвавшись, он метнулся на кухню. Послышалось брэнчание посуды, и вот, через несколько секунд Раламбу, вооруженный разделочным ножом, уже стоял наготове. На широком лезвии чернели крупные иероглифы. Раламбу тяжело дышал, в полумраке сверкали белки его глаз. Ручка ножа поскрипывала в железных тисках его руки.

Раздался громкий, хамоватый стук.

– Мурена! – позвал с улицы Зибко.

Из горла Раламбу вырвалось рычание, и я понял, что он вот-вот бросится в атаку. Мамфо похлопала меня по спине и движением головы попросила отойти. Я попятился вглубь комнаты.

– Мурена! – повторил еще громче Зибко. – Без тебя праздник не состоится.

Мамфо крепко обняла Раламбу и что-то сказала ему на ухо. Я не слышал ее слов, но фраза, судя по всему, была короткой. Однако слова оказались действенными, как заклинание. Раламбу повернулся к жене, посмотрел ей в глаза и как-то сразу расслабился: глубоко вздохнул и свесил руки вдоль туловища. Мамфо крепко поцеловала мужа – их черные силуэты сомкнулись на фоне тусклого квадрата окна.

Мамфо спокойно шагнула к двери и щелкнула задвижкой.

Раламбу задумчиво смотрел вслед жене, которая в компании Зибко проследовала к коменданту. После краткой остановки около Юджина Мамфо прошла к грузовику и самостоятельно влезла в кузов.

20

Когда шум грузовика затих вдали, мы с Раламбу заторопились к Венди. У пары мертвецов, лежавших возле зеленого дома, собирались жители поселка. Мы не стали к ним присоединяться – нужно было проверить, все ли в порядке с Джошуа.

Проходя мимо своего домика, я обругал себя за рассеянность – внутри горел свет, который я забыл выключить, уходя в гости к Раламбу.

Окно в доме кухарки было темным, что усилило мою тревогу. Раламбу постучал в дверь. – Венди, не бойся. Все закончилось, – громко сказал он.

После паузы щелкнул замок, и дверь открылась. Напуганная кухарка долго вглядывалась в наши лица, а потом – в улицу за нашими спинами.

– Они уехали, – успокоил ее Раламбу. – Как Джошуа?

– Заходите, – наконец, вышла из оцепенения Венди. – Заходите скорее.

Как оказалось, единственная комната в доме кухарки была ярко освещена, но на улицу свет не проникал из-за плотных штор, которыми Венди задернула окно.

К нашему с Раламбу успокоению, с детьми было все в порядке. Джошуа сидел за столом и вырезал из бумаги какие-то фигурки, а Хелен подметала пол щеткой с длинной ручкой.

– Папа! Мистер Нобби! – радостно воскликнул Джошуа.

Хелен приветливо улыбнулась нам.

– Выпьете чайку? – предложила Венди.

Раламбу кивнул, и мы заняли места за столом.

– Что там было? – спросил Джошуа. – Мы слышали крики и выстрелы.

Кухарка оторвалась от шкафчиков с посудой и с беспокойством поглядела на мальчика.

– Венди запретила нам подходить к окну и велела заткнуть уши, – объяснил Джошуа. – Она сказала, что взрослые выпили и празднуют, а нам, детям, на такое смотреть не полагается.

– Венди все правильно сказала, – ответил сыну Раламбу, благодарно кивнув кухарке.

Хелен закончила уборку и присела с нами.

– Значит, когда я и Хелен станем взрослыми, мы тоже сможем праздновать и выпивать вместе с комендантом? – предположил мальчик и поднял руку с фигуркой, которую только что вырезал из бумаги.

Фигурка оказалась силуэтом кряжистого мужчины, весьма похожего по очертаниям на нашего Массажиста.

Хелен нахмурила рыжие брови с укором в адрес Джошуа. Раламбу тоже не понравилась гипотеза сына – рыбак недовольно поджал губы.

– Это не лучший стимул для взросления, Джошуа, – сказал я.

– Почему? – растерялся мальчик. – Юджин – хороший человек. Он помогает островитянам выживать после Омега-дня.

Хелен иронично усмехнулась и молниеносным движением ножниц отсекала голову у фигурки в руке Джошуа.

– Эй! – вскричал мальчик от неожиданности, но без всякой обиды на подружку.

Пока дети дружно смеялись над обезглавленным силуэтом, Венди поставила на стол миску со своим фирменным печеньем. Джошуа и Хелен тут же потянулись к лакомству. Благодаря сахарному клену, произрастающему на Алакосо, островитяне не забывали, что такое сладости.

– Что-то случилось? – спросил мальчик, очевидно, обратив внимание на наши с Раламбу понурые лица и равнодушные к угощению.

– Все хорошо, сын, – отозвался Раламбу. – Доедай печенье, и пойдем домой.

Хелен сходила за чаем.

Окунув печенье в чашку, Джошуа глубокомысленно произнес:

– Я, наконец, понял, что случилось с Большой землей.

– Опять? – удивился Раламбу. – Новая версия?

– Новая, – кивнул Джошуа.

– Что на этот раз?

– Это испытание, – проговорил мальчик с набитым ртом. – Испытание, и в то же время – наказание для людей.

Хелен с умилением слушала Джошуа.

– Люди тысячелетиями совершали плохие поступки, – продолжал мальчик, – тысячелетиями воевали друг с другом. В конце концов Богу надоело на это смотреть и он разделил людей на небольшие группы, которые не могут контактировать между собой. Жители Алакосо – одна из таких групп. Бог хочет, чтобы люди научились жить в мире и согласии хотя бы с малым количеством своих сородичей. Только потом нам будет возвращен Большой мир.

Хелен погладила Джошуа по курчавым волосам – слова мальчика ее тронули.

– У тебя просто золотой сын, Раламбу! – заявила Венди, прервав кухонные хлопоты.

– Ну отдохни хоть немного, – обратился к ней Джошуа. – Садись с нами!

Кухарка послушалась мальчика и села за стол рядом с детьми. Джошуа сразу же обнял ее за шею, чем едва не довел до слез счастья. Не осталась безучастной и Хелен: она присоединилась к мальчику и Венди, заключив в объятия их обоих.

21

5 месяцев и 16 суток с Омега-дня

Лебедева схватилась за концы моего воротника и с силой рванула их в стороны. Оторвавшиеся от рубашки пуговицы разлетелись, как искры фейерверка, и попадали на циновки, которыми был устлан пол в хижине Кати. Лебедева приоткрыла рот в выражении картежника, подавляющего азарт в ожидании ответного хода. Затем губы ее сомкнулись и стали сжиматься все сильнее, из красных становясь розовыми, а затем – белыми. Через мгновение пальцы Лебедевой впились мне в волосы.

– Ты там вообще хоть что-нибудь чувствуешь? – с холодной яростью спросила она.

Я обнял летицу за талию одной рукой, а затем властно притянул ее к себе. Лебедева откинула назад расслабленную спину и хихикнула. Я наклонился к ней и стал целовать ее горячую, пахнущую загаром шею, ощущая губами пульсацию сонной артерии. В конце концов я не удержался и пустил в ход зубы – ее нежная кожа чуть натянулась под моими клыками. Лебедева взвизгнула и сипловато захохотала, а я поставил ногу позади нее, а потом толкнул летицу от себя. Смеющаяся Катя опрокинулась на кровать, а я приземлился на согнутые руки, зависнув над ней.

Черты Лебедевой заострились от напускной строгости, но я уже знал, каким приемом можно нейтрализовать ее защиту. Вместо того чтобы продолжать наступление, я просто созерцал: я разглядывал сеть тончайших линий на коже ее лба, сизые блики на щеках и скулах, изредка подрагивающие ноздри. В тот момент я мог ожидать чего угодно, кроме мощного удара, который вдруг обрушился мне на спину и затылок. Помню, как отчаянно я пытался вдохнуть, но воздух отказывался входить в легкие.

– Эй! Какого дьявола?! – закричала Катя, но я уже еле слышал ее, проваливаясь в черное.

Первое, что я увидел, когда создание неуверенно вернулось, – соломенный потолок хижины. Липкая тьма норовила вновь поглотить меня с головой, время от времени затапливая поле зрения. Надо мной шевелились расплывчатые фигуры, откуда-то доносились яростные вопли Лебедевой. Не дав возможности осознать происходящее, вокруг меня снова стусился мрак.

«Всплыв» во второй раз, я, наконец, узнал в неясных фигурах Юджина и Зибко. Пожалуй, впервые за долгие месяцы в руках коменданта я не увидел Truvelo. Лебедевой в хижине не было – ее крики и проклятья слышались снаружи.

Когда я попробовал шевельнуться, спину и голову пронзила боль. Зибко ухмыльнулся, видимо, заметив, как я гримасничаю. Концом длинной палки он отбросил с моей груди полурубашки.

– Да у Отшельника татуировка! – удивился он.

Юджин встал рядом с Копом и немного согнулся в поясе, чтобы посмотреть на меня.

– Варан?... – пробормотал Зибко. – Что бы это значило?

– Отпусти меня! Ты, мустанг оскаленный! – орала за стенкой Лебедева.

Комендант и Зибко, посмеиваясь, вышли из хижины. Я попробовал подняться. Несмотря на боль и навязчивую муть, которая лишала все вокруг ясных очертаний, мне удалось встать и, опираясь на стену, добраться до выхода.

Лебедева стояла у самой воды, угрожающе поднимая весло. В ярости она обнажила белые зубы и, казалось, была готова впиться в глотки Юджина, Симо и Зибко, которые приближались к Кате с трех сторон. Лебедева крутилась на месте, не зная, кто из мужчин сделает бросок первым.

– Ну же! Кому сломать челюсть? – выкрикнула она.

Симо с яростным ревом бросился в атаку, но тут же остановился – выпад оказался ложным, однако Катя уже успела замахнуться на Колдуна веслом. Нападавшие издевательски расхохотались.

Я подскочил к Зибко сзади и сдавил его горло локтевым изгибом, рассчитывая, что смогу повалить Копу и прижать его к песку своей массой. Но силы еще не успели вернуться ко мне: вместо того чтобы придавить собой Зибко, я упал на спину, уронив его на себя. Юджин и Симо снова загоготали.

К счастью, Коп был не таким тяжелым, как, например, Колдун или комендант. Я откапывался вместе с Зибко вбок, все-таки оказавшись сверху. Высвободив руку из-под старшего по безопасности, я оглянулся.

– Гад! Пусти! Уберись от меня! – требовала Лебедева.

Юджин, стоя за спиной бесновавшейся Кати, крепко держал ее за талию. Сопротивление летчицы было бесполезным – не обращая внимания на крики и угрозы, комендант поволок ее к хижине. В следующую секунду я увидел палку Симо, точнее, ее конец, летящий по дуговой траектории прямо мне в лицо. На этом мои воспоминания опять обрываются.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я разлепил веки и обнаружил над собой небо с мрачным пятном в зените. Где-то рядом орала Лебедева. Приподнявшись на локтях, я увидел, как Катя извивается на песке, а Симо и Зибко держат ее за руки и ноги. Комендант сидел на корточках рядом с Лебедевой. Массажист неспешно задирает ее майку, вода мясистыми пальцами по животу летчицы.

– Еще сантиметр, и ты – труп, Массажист! – пообещала Катя и дернула ногами, пытаюсь освободить их из крепких лап Симо.

Я с трудом поднялся: сначала на колени, потом кое-как – в полный рост. Пока я, с трудом переставляя ноги, шел на помощь к Лебедевой, Юджин внезапным рывком порвал на ней майку.

– Чтоб твои глаза миксины выжрали! – пожелала Катя коменданту, а затем харкнула ему в лицо.

Даже не вытираясь, Массажист потянулся к ее груди, а я услышал скрип собственных зубов.

– Стойте! – прилетело издали.

Жадные руки коменданта зависли над Катей. Все, кто был на островке Руу, в том числе и я, поглядели в сторону Алакосо. В воде, в нескольких шагах от большого острова стоял доктор Янус Орэ.

– Остановитесь! – скрипел он. – Прекратите! Юджин! Что ты творишь, паршивец! Вот сейчас я тебе задам!

Симо и Коп отпустили Лебедеву. Не теряя времени, она вскочила и нокаутировала Зибко точным ударом ноги в подбородок.

Юджин с видом провинившегося ребенка пошел к лодке, никак не реагируя на пинки и пощечины, которыми осыпала его полураздетая Катя.

22

Я сидел на стволе поваленной ураганом пальмы, почти на самом краю Руу.

– Наклони голову влево, – потребовал Янус Орэ, ощупывая холодными шершавыми пальцами мои шейные позвонки. – Теперь вправо...

Я безропотно следовал указаниям старика.

– Больно? – спросил Орэ в ответ на мой стон.

Почесав между лопатками, я промычал что-то невнятное. Шишка у меня на лбу болела сильнее, чем спина.

– Обыкновенные ушибы. Ничего серьезного не нахожу, – заключил Орэ.

В ста метрах передо мной лодка с Юджином, Симо и Зибко уже подплывала к Алакосо.

– Что поделаешь, – вздохнул Янус, – наш комендант – человек, так сказать, толстой душевной организации.

– Микроцефал, – злобно подсказала Лебедева, которая возилась у очага, разрушенного во время нападения.

Катя восстанавливала конструкцию из палок, служившую для подвешивания котелка. Лицо у Лебедевой было такое, словно она резала на кусочки злейшего врага.

Тем временем лодка пристала к Алакосо, и трое ее пассажиров выбрались на берег.

Доктор Орэ с кряхтением уселся рядом со мной.

– Расслабься, – проговорил он, довольный своей проникательностью. – Я знаю, у тебя хватит мозгов, чтобы не наделать глупостей. Жизнь – это шахматы, а не бокс.

Из кармана ветхого пиджака Орэ вынул трубку и раскурил ее, шурясь от густого белого дыма.

– Зло – это газ, – ответил я старику. – Оно заполняет все предоставленное ему пространство. А объем этого пространства определяем мы, не так ли? Мы все несем ответственность за положение вещей на Алакосо.

– Идеализм, принципиальность и высокая нравственность вредны для здоровья, – сказал Орэ. – Это я как врач заявляю.

Лебедева присоединилась к нашей компании, заняв место справа от меня.

– Ненавижу, когда ты заводишь эту пластинку, дядя, – проворчала она и сплюнула себе под ноги.

Доктор скрипуче усмехнулся.

– Ты уподобляешься беспалой твари, которая натравила на меня этих дегенератов, – продолжила Катя.

– Мамфо? – поднял седые брови Янус.

Лебедева кивнула:

– Это она постоянно говорит пошлости, вроде той, что «мир не черно-белый», и все в таком духе.

– Умная баба, – заметил Орэ.

– Для демагогии много ума не нужно, – возразила Катя. – Как сказал кто-то, «бойтесь универсальных оправданий». Тот, кто их использует, как правило, оказывается законченным негодяем.

– Ты называешь демагогией обычную житейскую мудрость, – помотал головой Орэ.

– Хватит, дядя! – яростно приосанилась Кейт. – Не могу это слушать! Мудреца от мерзавца можно отличить невооруженным глазом.

– Вот именно. Только для этого нужно обращать внимание на дела, а не на слова человека. По твоей логике, такой, как я, должен приносить один лишь вред. Но на деле я совершил здесь, на Алакосо, немало хорошего. Возможно, даже спас несколько жизней.

– Никто не оспаривает тот факт, что ты отличный врач, дядя.

– А я вовсе не об этом, – ухмыльнулся Орэ.

Слушая спор Кати и Януса, я рассматривал сумеречное небо.

– Не об этом? – растерялась Катя. – А о чем тогда?

– Помнишь историю с револьвером Пирсона? Думаешь, Юджин просто забыл о нем? Как бы не так! Если бы не я, он до сих пор бы обшаривал Западную рошу в поисках ствола. Не знаю, скольких из нас он отправил бы на тот свет, подозревая в присвоении револьвера. Но я мгновенно вылечил паранойю Юджина, признавшись ему, что нашел пушку и как убежденный пацифист выбросил ее в океан.

– Это правда? – обомлела Лебедева.

– Неважно. Главное, пойми, благодаря кому удалось избежать неприятностей, и перестань делить всех на ангелов и чертей.

Орэ поднял палец в назидательном жесте, а потом хрипло хохотнул:

– Как ни крути, на Алакосо я не самая слабая фигура. Понимаешь, Катя? Одни здесь боятся Симо, другие – Юджина. Ну а меня... Меня боится сам Юджин.

– Зубами стучит от страха, – кивнула Лебедева.

– Смейся-смейся. После сегодняшней истории в глубине души ты признаешь, что я прав. Кстати, будет хорошо, если ты перестанешь игнорировать Собрания островитян – отрываться от коллектива непродуктивно. Со своей стороны, я гарантирую тебе безопасность.

Пока Катя обдумывала предложение, старый Орэ переключил внимание на меня:

– Куда это ты засмотрелся, Отшельник?

Янус последовал моему примеру и запрокинул голову.

– Эта штука в зените, – сказал я. – Она растет.

23

5 месяцев и 17 суток с Омега-дня

Покончив с делами в поселке, я отправился в отель, чтобы заняться с Джошуа математикой.

Для подъема на третий этаж, где находилась комната мальчика, я, как обычно, воспользовался главной лестницей. Площадка на втором этаже оказалась плохо освещена из-за перегоревшей лампы, зато соседний коридор утопал в ярко-желтом сиянии светильников. Не знаю, что побудило меня сделать лишний шаг и заглянуть из-за угла в этот проход – скорее всего, причиной было обычное любопытство.

Теоретически я мог увидеть в коридоре наложниц Юджина, которые жили в этом крыле, однако у дальней двери стоял некто иной. Мамфо я узнал сразу – другой такой копны волос на острове больше не было.

Старшая по хозяйству замерла у входа в номер, наклонившись и прижав ухо к замочной скважине. Первым моим побуждением было спрятаться за углом, но я быстро сообразил, что женщина не видит меня из-за плохого освещения в том месте, где я стоял. Еще какое-то время я шпионил за Мамфо, но довольно быстро мне это наскучило, и я пошел вверх по лестнице.

Несколько раз постучав в дверь Джошуа и подергав ручку, я понял, что мальчик не у себя. Из номера Юджина доносился голос коменданта и какие-то звуки, похожие на музыку. Когда я подошел к приоткрытой двери в номер Массажиста, догадка подтвердилась: в комнате действительно кто-то играл на струнном инструменте и пел. Я осторожно вошел в помещение.

Юджин сидел на столе с гитарой в руках.

– You know that it would be untrue... – пел комендант, перебирая струны.

Восседая на кровати, Джошуа восторженно слушал певца. Вокальные способности Юджина нельзя было назвать выдающимися, но музыкальный слух у него определенно имелся.

Мальчик радостно захлопал в ладоши.

– Хорошо, приятель, урок пения мы на этом закончим, – сказал Юджин, откладывая гитару. – Пришло время заняться точными науками.

Пока Джошуа послушно собирал с кровати свои блокноты, ручки и карандаши, я обратился к коменданту:

– Не мог бы ты открыть для нас библиотеку, Юджин? Помню, там была одна книга... Что-то вроде «занимательной геометрии». Думаю, она нам с Джошуа очень пригодится.

Юджин крутанулся на столе, чтобы расположиться ко мне лицом. Пистолет-пулемет снова был в руке коменданта.

– Правильно, Отшельник. Молоток! – похвалил меня Юджин. – Давай, учи мальчика.

Через пару минут мы вдвоем подошли к дверям в библиотеку. Комендант машинально потянулся к поясу, но вдруг хлопнул себя по штанине, пробормотав какое-то ругательство.

– Ждите здесь, – бросил он нам и направился к лестнице.

Пока шаги Юджина стихали внизу, Джошуа прошел на лестничную площадку и перегнулся через перила.

– В подвал спустился, – сообщил он мне, проследив за комендантом сверху.

Я кивнул Джошуа, хотя из-за страбизма, которым страдал мальчик, было не ясно, нахожусь ли я в поле его зрения.

Не прошло и минуты, как Джошуа заговорщицки шепнул:

– Идет!

Юджин появился на этаже, звеня огромной связкой ключей.

– Добро пожаловать в нашу сокровищницу! – с добротой в голосе проговорил он, открывая для нас библиотеку.

24

3 года 3 месяца и 21 сутки с Омега-дня

Установленные на берегу деревянные платформы перестали пустовать – на них выстроились ящики со свежей рыбой. Каждая из четырех платформ была украшена флагом определенного цвета, в соответствии с символикой четырех команд: на ветру полоскались куски зеленой, красной, синей и пурпурной материи.

Я, старик Оливье Пирсон и еще несколько представителей береговых вшей ожидали, пока Симо закончит приемку улова. После этого нам полагалось как можно скорее забрать ящики с платформ и доставить их в морозильные камеры отеля – в тропическом климате дары моря быстро портились.

Ящиков в тот день, увы, оказалось немного. Следствием этого было кислое выражение лица Симо, который ходил от платформы к платформе, покрикивая на рыбаков в красный рупор. Усталые после выхода в океан мужчины спешно перетаскивали ящики от лодок к платформам.

– Улитки какие-то, честное слово! – ворчал старший по рыболовству. – Живее, ребятки! Иначе я перестану засчитывать рыбу.

Те, кто уже покончил с отгрузкой, стояли в стороне от платформ, группируясь по цвету повязок на плечах. Уже не в первый раз я замечал, что разделение на команды сохраняется даже на берегу. Члены конкурирующих отрядов общались между собой крайне неохотно.

Мужчины с нескрываемым волнением смотрели на старшего по рыболовству, который должен был оценить результаты выхода в океан.

– Ну что, милые, время подводить итоги! – объявил Симо в мегафон. – Облажались вы, друзья... Видимо, давно у нас с вами не было Воспитания.

Симо театрально перелистал несколько страниц блокнота с синей бархатной обложкой.

– Увы, результаты последнего месяца удручающие, – покачал он головой.

Колдун прошествовал вдоль ряда платформ. Бриз играл пружинками его длинных смолых волос.

– А помните, три года назад мы думали, что придется расширить платформы, чтобы штабеля не были слишком высокими? – мечтательно улыбнулся Симо, задрав раздвоенную верхнюю губу. – А что теперь?

Колдун поставил руку на край ближайшей платформы. Беззвучно шевеля губами, он пересчитал ящики. Симо повторил процедуру для трех остальных платформ, внося результаты подсчета в свой блокнот и горестно вздыхая.

Однако больше других его расстроили показатели команды «Джон». Носители зеленых повязок могли похвастаться лишь семью ящиками, что было в два раза меньше, чем у их ближайших конкурентов – команды «Пол».

Сгрудившиеся поблизости джоновцы являли собой скульптурную композицию, которую я бы назвал «Падшие духом». Они подставляли под презрительные взгляды соперников склоненные головы, сторбленные спины и тоскливые лица.

– Ну что, зеленые? – обратился к ним Симо. – Почему не постарались как следует?

Казалось, несчастные джоновцы после этих слов поникли еще сильнее. Но реплика Колдуна подействовала и на остальных рыбаков, правда, по-другому. Члены команд-соперниц стали с такой яростью сверлить глазами носителей зеленых повязок, что я обеспокоился дальнейшей судьбой последних.

– Надо соблюдать правила, ребятки, – сказал Симо, прочистив горло. – Сегодня вы не выполнили норму. Естественно, все команды лишаются выходных на ближайшие две

недели. Это даже не наказание, дорогие мои. Нам просто очень важно не отстать от графика, чтобы на Алакосе была еда. Ну а если вы все-таки хотите кого-то поблагодарить за возможность поработать без выходных, скажите «спасибо» джоновцам.

По толпе промчался ропот возмущения. Я услышал злобные проклятья, адресованные жавшимся друг к другу участникам «Джона». Разгневанные рыбаки кричали на провинившихся товарищей, плевали в их сторону и делали недвусмысленные жесты. Ив (рыбак, который все время мерз и кутался в красный платок) поднял из-под ног камень и швырнул в группу джоновцев. Пущенный снаряд угодил в живот одному из носителей зеленых повязок, и тот со стоном сложился пополам. Ив удовлетворенно улыбнулся.

– Ну что с вами делать, нерадивцы? – спросил Колдун у рыбаков.

Симо порылся в одном из ящиков, стоявших на платформе, и вытащил оттуда рыбу, из бока которой торчал блестящий змееподобный отросток длиной с предплечье Колдуна. Симо с видимым усилием оторвал отросток от рыбьего тела, и тот оказался отдельным существом, похожим на угря или морскую змею – хищная тварь, как оказалось, просто вгрызлась в рыбину.

– Кто из вас хочет искупаться в бочке с миксинами?

Колдун швырнул «отросток» в джоновцев, и те в ужасе отшатнулись.

Старшему по рыболовству очень шла его ярко-желтая футболка. К ней подходил блестящий красный рупор в руке Симо и такой же свисток, висевший у него на шее.

– У меня есть право отменить наказание, – рассуждал Колдун. – Как вы помните, я уже несколько раз жалел и прощал нарушителей. Но вы расстраиваете меня снова и снова, миленькие. Это входит в систему. Как старший по рыболовству, я не могу допустить падения уловов. Ну вот что тут поделаешь?

Среди участников красной, синей и пурпурной команд поднялся галдеж, но постепенно разрозненные выкрики слились в ритмичное скандирование:

– Урок! Урок! Урок!

При этом границы между командами, наконец, стерлись – члены трех отрядов перемешались и образовали единую, охваченную гневом массу. Скандирующая толпа брала джоновцев в кольцо.

– Урок, говорите? – пощупал подбородок Симо.

– Урок! Урок! Урок! – кричала толпа.

– Ну, как скажете, – согласился старший по рыболовству. – Команде «Джон» – Воспитание! Разобрать палочки!

Рыбаки, окружившие джоновцев, радостно взревели и бросились к тому участку берега, где из земли торчал лесок из нескольких десятков палок. Внезапно раздался чей-то крик:

– Стой! Еще лодка!

Это был голос Раламбу. Он вышел из группы джоновцев и поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание. Затем он указал в сторону океана – к берегу приближалась последняя лодка зеленой команды.

– Да, точно! – воскликнул Симо. – А я и не заметил. А ну, все на место!

В безмолвии, которое установилось на пляже, экипаж вытянул лодку на берег. Затем двое из числа новоприбывших джоновцев достали из лодки один единственный ящик и потащили его к платформам. Трое остальных поплелись за ними следом с пустыми руками. Как только собравшиеся на берегу оценили «успехи» последней лодки, послышался вздох коллективного разочарования.

Растерянно озираясь, Морн и Голый Мду поставили ящик на платформу. Под проклятья и улюлюканье толпы они присоединились к остальным участникам команды.

– Урок! Урок! Урок! – вновь стали хором требовать рыбаки.

– Урок! – заорал Симо в мегафон.

Три из четырех команд поспешили за палками. На месте джоновцев я бы пустился наутек, но они апатично ждали своей участи. В то время я еще не понимал, что удерживает их на месте.

Вооруженные палками рыбаки налетели на зеленую команду, однако осыпавшие ударами джоновцы не сопротивлялись.

– Кости не ломаем, черепа не кроим! У нас Воспитание, а не расправа! – напомнил Симо в мегафон.

Старший по рыболовству уселся на плоский камень и придвинул к себе небольшой барабан. Наблюдая за «воспитательным процессом», Симо ритмично лупил ладонями по мембране.

Носители красных, синих и пурпурных повязок вымещали на проштрафившихся товарищах всю злобу за отнятые выходные. Хотя Симо время от времени призывал «воспитателей» не переусердствовать, те орудовали палками без особого стеснения.

Зрелище было впечатляющим: массовое избиение проходило под зеленоватым небом, в зените которого повисло большое темное пятно. За время Воспитания на небосводе успели проскочить две вспышки, а поскольку начинало темнеть, можно было различить и небесные меридианы.

Лишь один представитель «воспитывающих» команд не принимал участия в процедуре. Робин Фриз равнодушно наблюдал за происходящим, сидя на прибрежной гальке. Его усталые глаза были частично прикрыты длинными спутанными волосами.

Я попытался найти в толпе знакомые лица. Морн был едва ли не единственным джоновцем, пытавшимся избежать побоев. Во время потасовки Энтони находился недалеко, и я слышал, как он пытается заговаривать зубы нападавшим.

– Эй, приятель, да брось, это же все глупости, – обратился он к замахнувшемуся на него верзиле. – Мы же с тобой в прошлый выходной в шахматы играли! Да ладно тебе!

Морн изо всех сил пытался улыбнуться, но выходило, конечно же, очень фальшиво. Вдобавок у него дрожали губы. Ничто так не провоцирует агрессию, как неискренность жертвы. Здоровенный рыбак, который избрал Морна своей целью, зарычал и треснул Энтони палкой по шее. Бывший полицейский-стажер повалился на гальку, а великан направился к следующему джоновцу.

Однако Воспитание для Морна этим не закончилось. Над ним возник укутанный в платок Ив и сразу же занес ногу для удара по белокурой голове.

– Эй! – раздался предостерегающий крик Раламбу.

Бывший староста рыбаков встал между Ивом и Морном. У Раламбу была разбита губа, но серьезных последствий Урока пока не наблюдалось.

Одного взгляда заступника хватило, чтобы остановить Ива. Возможно, вокруг Раламбу еще сиял ореол бывшего руководителя, но, скорее всего, сыграла роль разница в росте между ним и рыбаком в платке.

– Он уже упал, – сказал Раламбу. – Чего еще...

Из-за мощного удара в спину он не договорил. Атаку с тыла провел толстяк Дла-Дла, который теперь таращил глаза, очевидно, устранившись содеянного. Раламбу упал на колени, рыча от боли. Вид поверженного противника придал смелости Иву, и, выйдя из оцепенения, он пнул бывшего начальника в область печени. Этого оказалось достаточно, чтобы Раламбу скорчился на песке рядом с Морном. Но Ив не останавливался. Он снова и снова пинал Раламбу в правый бок, будто получая от этого огромное удовольствие.

Симо неистово бил в барабан и улыбался, обнажая высокие десны.

Воспитание было в разгаре: мелькали палки и разбитые лица, слышались болезненные стоны и крики ярости.

Как оказалось, не только Морн стремился уклониться от наказания. Маленький щуплый рыбак по имени Мду лежал ничком на камнях. В тот день, как и всегда, он был полностью

голым – никто не знал причин этой его странной нелюбви к одежде. Сначала я подумал, что он потерял сознание, получив удар палкой по голове, но вскоре я заметил, что время от времени Мду приоткрывает один глаз, чтобы оценить обстановку.

Старик Оливье Пирсон отошел в дальний конец пляжа и, устроившись на дряхлой коряге, следил за экзекуцией. Со стороны поселка к нему спустилась дочь Хелен и напоила старика водой из кувшина. Издалека мне было видно, как Оливье улыбается и трогательно благодарит дочь. Он потерял многое, но не самое дорогое.

Посмотрев в противоположном направлении, я заметил три фигуры, подсвеченные закатом. Это были Юджин, Зибко и Мамфо, которые прогулочным шагом приближались к платформам.

25

Воспитание подходило к концу. Почти никто из джоновцев не устоял на ногах. Наиболее рьяные «воспитатели» все еще молотили палками по лежачим.

Симо дунул в свисток, чтобы остановить процедуру. «Воспитатели» оставили в покое джоновцев и потянулись к земляному участку берега. Одну за другой они втыкали палки в грунт – лесок восстанавливался на прежнем месте. Рыбаки, которые уже успели расстаться с орудиями, разбредались по пляжу либо поднимались в поселок.

Несчастные участники «Джона», наконец, получили возможность перевести дух. Некоторые уже пытались подняться на ноги. Большинство же сидело на гальке и потирало ушибленные места. Были и те счастливцы, для кого Воспитание прошло почти безболезненно. В их числе оказался Мду. Голыш робкими шажками продвигался к поселку.

Мду и другие рыбаки с опаской поглядывали на Юджина, Зибко и Мамфо. Эта троица остановилась недалеко от меня. Юджин выглядел как настоящий франт: на нем были белая рубашка, бордовый кашемировый жилет и такие же брюки. Резиновые шлепанцы на ногах коменданта я посчитал спорным дополнением его образа. Как впрочем, и огромную связку ключей, которая висела на поясе у Массажиста.

Трое представителей золотого квартета поприветствовали четвертого (Симо) взмахами рук.

Адриан Зибко поднял глаза к небу и засмотрелся на затемнение.

– Дамы и господа! – торжественно произнес он. – Я убежден, что оно увеличивается.

Мамфо задрала голову по примеру Копа.

– По мне, так оно всегда таким было, – сказала она.

– Всегда? – удивился Зибко. – Когда я впервые его увидел, оно было размером с Луну.

А теперь оно раза в четыре больше.

Зибко затаился сплифом.

Настала очередь Юджина смотреть на небо. Для этого коменданту пришлось сильно выгнуть спину.

– Что это за штуковина? – спросил он. – Вы разобрались уже?

– Разобрался только Симо, который считает, что это гневный лик Лахи Кинтана, – ответил Зибко. – Наш Колдун, если я не ошибаюсь, рассмотрел на нем даже глаза и ноздри.

Юджин выпрямился и повернулся торсом к Адриану:

– Лик кого?

– Лахи Кинтана, – повторил старший по безопасности. – Божество местного народа. Рыбаки верят в него почти поголовно.

– А на самом деле? – спросил Юджин. – Что это?

– Хотел бы я знать, комендант, – развел руками Зибко и швырнул докуренный сплиф в траву. – Не думаю, что кому-либо на Алакосо известно, что это. Я сам устал ломать голову, пытаюсь понять, почему на небе появилась эта штука, почему замолчала Большая земля, почему не вернулись те, кто отправился туда на разведку.

– Этот бессмысленный вопрос «почему?» – иронично промолвила Мамфо. – «Почему?» – это самый короткий путь к депрессии или к религии.

Зибко глянул на Мурену с плохо скрываемым раздражением.

На пляже между тем оставалось не больше десятка джоновцев. Одним из них был Раламбу, которого я легко отыскивал глазами благодаря его ярко-синим шортам. Меня все сильнее беспокоило, что он до сих пор неподвижно лежал на гальке.

Над Раламбу склонились несколько товарищей по команде. Я взглянул на Мамфо, пытаюсь понять, разделяет ли она их беспокойство. Трудно было усомниться в том, что она была

в курсе происходившего – женщина долго и пристально смотрела в соответствующем направлении. Вслед за этим она окинула быстрым, чуть вороватым взглядом своих спутников и вновь обратила взор на поверженного мужа. На ее груди сверкнул кулон в форме черепа.

Проницательный Зибко, кажется, уловил замешательство Мамфо.

– А это, часом, не Раламбу там загорает? – спросил он.

Юджин повернулся вокруг своей оси в том направлении, куда показывал Адриан. Мамфо в это время придала лицу совершенно безразличное выражение.

Двое рыбаков, одним из которых был Робин Фриз, подняли Раламбу, взяли его под руки и повели в поселок.

– Никогда не перестану удивляться, – нарушил тишину Зибко, – как это Колдуну удается так умело стравливать рыбаков между собой.

– Хороший лидер всего лишь помогает людям делать то, что они сами хотят, – бесцветным голосом ответила Мамфо. – А кто это у нас там?! – воскликнула она куда более эмоционально.

Мурена указывала в сторону Оливье и Хелен Пирсонов, которые устроились на бревне к востоку от платформ.

– Семейная идиллия, – ухмыльнулся Зибко.

Юджину снова пришлось повернуться на месте, чтобы сосредоточиться на новом предмете обсуждения. Однако, судя по всему, коменданта больше интересовала оказавшаяся перед ним Мамфо. Мурена хрипло вскрикнула и оглянулась:

– Юджин! Сто гвоздей тебе в череп! Прекрати это дело!

Так широко на моей памяти Юджин еще не улыбался. Я даже разглядел золотой зуб у него во рту. Сияющий комендант все-же послушался Мамфо и отнял руку от ее ягодицы.

– Ты бы лучше к дочурке Пирсона присмотрелся, – посоветовала Мурена. – Мне кажется, она давно на тебя с интересом поглядывает.

Юджин внял рекомендации Мамфо и перевел внимание на Пирсонов, чем заметно порадовал старшую по хозяйству.

– Отшельник! – обратилась она ко мне. – Позови-ка сюда Пирсона с его рыжиком.

Я медлил. Все внутри меня восставало против выполнения этого приказа.

– Ну что вылупился? Пошевеливайся! – поторопила Мурена.

Юджин явно был на ее стороне. Он подкрепил требование женщины наведенным на меня Truvelo.

– Вперед, Отшельник! – скомандовал Массажист.

Мне ничего не оставалось, кроме как зашуршать галькой по пути к бревну Пирсонов. Отец и дочь испуганно следили за моим приближением.

С пяти шагов я оценил невероятную красоту блестящих медных волос Хелен.

– Беги отсюда, – сказал я ей. – И никогда больше не попадайся на глаза никому из золотого квартета.

Девушка растерянно хлопала глазами.

– Беги, дочка, беги отсюда! – взмолился Оливье.

Хелен вертела головой, как будто искала более рациональный способ спастись. Наконец, она вскочила с бревна и помчалась к поселку.

Я выждал пару секунд, а потом бросился за ней. Для большей выразительности я даже вытянул руку вслед Хелен и сделал вид, будто что-то кричу ей вдогонку. Впрочем, погоня моя была недолгой – я почти сразу остановился и поставил руки на колени, как запыхавшийся старик.

Юджин, Мамфо и Зибко уже решительно шагали к бревну. Я понял, что настало лучшее время, чтобы попрощаться с жизнью. Однако я предпочел исполнить этот ритуал в сидячем положении и занял место Хелен на пирсоновском бревне.

– Держитесь, Оливье, – подбодрил я бывшего владельца отеля.

Полминуты тревожного ожидания – и троица уже стояла перед нами. К счастью, Юджину и его заместителям было временно не до нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.